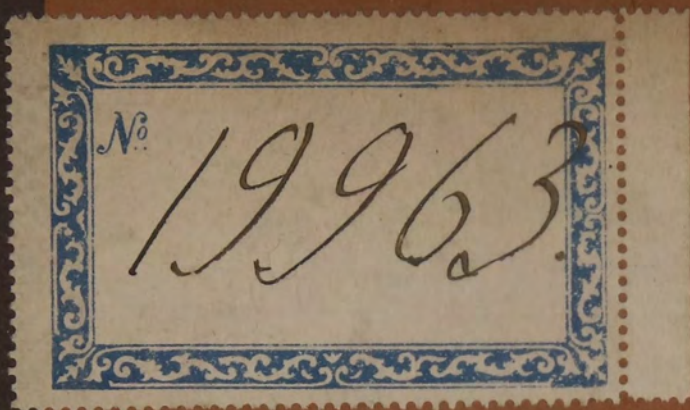

(Specimen No. 11)

19963

(Русск. Машин. 1902, V-VII)

82803

Объ упадкѣ земледѣлія и его нуждахъ.

Въ концѣ прошлаго года вышли въ свѣтъ «Труды особаго совѣщанія по изслѣдованію экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній» (1899 — 1901 гг.), составленные г. Полѣновымъ. Работа эта, основанная на обширномъ цифровомъ матеріалѣ и снабженная цѣлымъ арсеналомъ всевозможныхъ картограммъ, діаграммъ, таблицъ, вѣдомостей и прочаго статистическаго матеріала, хотя въ общемъ и производитъ впечатлѣніе чего-то давно знакомаго, азбучно-безспорнаго, въ чемъ всѣ мало-мальски знакомые съ экономически-финансовымъ положеніемъ нашей страны давно были увѣрены, въ чемъ никто и не сомнѣвался, все же является чрезвычайно цѣнной, главнымъ образомъ потому, что она впервые ставитъ жгучій, давно наболѣвшій вопросъ на очередь; что вопросъ возбуждается со стороны чисто-бюрократическаго совѣщанія, которое нельзя упрекнуть въ излишнихъ увлеченіяхъ теоретически-абстрактными тенденціями; что на вопросъ обращено серьезное вниманіе правительства, которымъ начаты обширныя и всестороннія обслѣдованія; словомъ, пробуждена правительственная забота и инициатива въ дѣлѣ чезвычайнаго значенія. Въ этомъ большая заслуга трудовъ совѣщанія.

На первыхъ же страницахъ своего труда совѣщаніе признаетъ, что «отвѣтъ на первый коренной вопросъ, произошло ли замѣтное измѣненіе къ худшему въ разсматриваемомъ черноземномъ районѣ, составлялъ какъ бы *retitio principii*—только въ обратномъ смыслѣ, т.-е. приходилось доказывать то, что признавалось доказаннымъ. Дѣйствительно, рядъ явленій изъ области соціальной и экономической все съ возрастающей настойчивостью свидѣтельствовалъ о пониженіи благосостоянія обширной области средней Россіи. Нѣкогда цвѣтущее ея состояніе измѣнилось на глазахъ нынѣшняго поколѣнія къ худшему, и это [ухудшеніе захватило столько различныхъ явленій общественной жизни и выразилось и продолжаетъ выражаться съ такимъ постоянствомъ, что приписать его какимъ-либо случайнымъ и преходящимъ причинамъ становилось, очевидно, невозможнымъ.

Однако, одно признаніе существующаго факта не устранило необхо-

39

Библиотека Музея Востока

димости изучить возможно большее число формъ его проявленій, т.-е. изслѣдовать состоятельность населенія, выраженную въ его платежной способности, въ хозяйственной силѣ, въ его предпринимательской дѣятельности и т. п., такъ какъ только этимъ путемъ представлялось возможнымъ подойти къ отвѣтамъ на другіе два коренные вопроса—о времени, когда произошелъ замѣчаемый упадокъ благосостоянія, и о причинахъ, которыми онъ вызванъ».

Тѣмъ не менѣе вся первая половина трудовъ совѣщанія посвящена именно доказательствамъ упадка этого благосостоянія; сюда отнесены: поступления окладныхъ сборовъ, посѣвы и урожаи, землепользованіе, скотоводство и въ частности коневодство, цѣнность земли и заработная плата по полеводству.

О причинахъ, вліявшихъ, по мнѣнію совѣщанія, на оскудѣніе центрально-черноземныхъ губерній, и о времени, съ котораго отмѣчается это оскудѣніе, трактуетъ вторая часть брошюры.

Нельзя не согласиться съ совѣщаніемъ, что группировка статистическаго матеріала по районамъ имперіи представляется въ высшей степени неудовлетворительнымъ и неудачнымъ приѣмомъ съ научной точки зрѣнія: столь обширныя единицы сопоставленій, какъ цѣлый районъ, обнимающій нерѣдко десятокъ самыхъ разнородныхъ губерній, врядъ ли можетъ привести къ какому-либо правильнымъ статистическимъ выводамъ, въ виду той массы привходящихъ причинъ и обстоятельствъ, изолировать и уловить вліяніе которыхъ на правильность того или иного вывода представляется дѣломъ совершенно недостижимымъ. По принятой официальной статистикой группировкѣ, вся имперія подраздѣляется на десять районовъ: сѣверный, сѣверо-западный, восточный, промышленный, центрально-черноземный, малороссійскій, юго-западный, южный, прибалтійскій и привислянскій. Само совѣщаніе признаетъ, что «слишкомъ обширныя границы каждой группы выступаютъ, какъ недостатокъ, особенно въ сѣверной, восточной и южной группахъ». Въ этихъ группахъ пришлось совмѣстить такія разнородныя мѣстности, какъ губерніи Архангельская и Псковская—въ сѣверномъ районѣ; какъ Пермская и Самарская—въ восточномъ; какъ Астраханская и Бессарабская или Херсонская—въ южномъ.

Совѣщаніе полагало, что въ видѣ корректива возможно было бы выдѣлить нѣкоторыя губерніи, разбить нѣкоторые районы,—вообще произвести перегруппировку районовъ; но тотчасъ же и оговаривается, что такія измѣненія создали бы «большія, а можетъ быть, и непреодолимыя затрудненія», такъ какъ пришлось бы отказаться отъ пользованія едва ли не всѣмъ официальнымъ статистическимъ матеріаломъ.

Не думаемъ, чтобы какая-нибудь перегруппировка районовъ принесла здѣсь дѣйствительно существенную пользу. Мы уже не говоримъ про неудобство такого приѣма изслѣдованій экономическаго положенія населенія, когда изслѣдованіе это беретъ своимъ исходнымъ пунктомъ направленіе не отъ периферіи къ центру, а наоборотъ, и когда никакихъ специаль-

ныхъ обследованій дѣйствительнаго положенія самого населенія на мѣстѣ, по какой-либо опредѣленной программѣ, не производилось. Подобный пріемъ при самыхъ аккуратныхъ и добросовѣстныхъ вычисленіяхъ и пользованіи цифровымъ матеріаломъ, случайно имѣвшимся въ центральныхъ учрежденіяхъ, легко можетъ привести къ совершенно неожиданнымъ и невѣрнымъ выводамъ и положеніямъ. Не будемъ далѣе останавливаться на степени доброкачественности этого статистическаго матеріала, въ большинствѣ случаевъ собраннаго попутно и случайно должностными лицами разныхъ вѣдомствъ и учреждений изъ единственнаго для всѣхъ источника—волостныхъ правленій. Для насъ, знакомыхъ лично съ постановкой такой официальной статистики на мѣстѣ, представляются болѣе чѣмъ сомнительными тѣ отдѣлы труда совѣщанія, гдѣ трактуются данныя о посѣвахъ и урожаяхъ, о хлѣбозапасныхъ магазинахъ, о скотоводствѣ, о заработной платѣ по полеводству, отчасти и о хлѣбныхъ цѣнахъ. Остаются безспорными и точными такимъ образомъ лишь данныя о поступленіи окладныхъ сборовъ, о землепользованіи, о цѣнности земли, почерпнутыя изъ дѣлъ казначействъ и гипотечныхъ учреждений.

Весьма гадательны и отдѣлы о взаимномъ соотношеніи государственныхъ доходовъ и расходовъ въ отдѣльныхъ районахъ и губерніяхъ имперіи, о степени интенсивности торгово-промышленной дѣятельности по даннымъ раскладочныхъ присутствій и о распредѣленіи денежнаго обращенія по территоріи страны. На несовершенство статистическаго матеріала и статистическихъ пріемовъ не разъ указываетъ и само совѣщаніе (стр. 1, 16, 28, 29, 30, 38, 57 и т. д.).

Итакъ, землепользованіе и поступленіе окладныхъ сборовъ съ крестьянскихъ обществъ—вотъ единственно незыблемый матеріалъ, послужившій основаніемъ для выводовъ совѣщанія объ экономическомъ оскудѣніи центрально-черноземныхъ губерній.

Мы далеки отъ мысли оспаривать непреложность, правильность этого основнаго положенія; мы лишь указываемъ на запоздалость этого «открытія», на шаткость и слабость статистическаго матеріала и пріемовъ изслѣдованія. Намъ указываютъ, наприм., на цифры государственныхъ расходовъ и доходовъ въ различныхъ районахъ имперіи; какъ будто объектами обложенія являются именно эти районы, какъ таковые. Подобный огульный выводъ и огульное обобщеніе врядъ ли допустимо, не говоря уже съ научной, но даже съ бюрократической точки зрѣнія: оно ничего не разъясняетъ и ровно ничего не доказываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ огульныхъ выводахъ совѣщанія подъ сѣнью оскудѣвшаго центрально-черноземнаго района укрылись, въ качествѣ угнетенныхъ отраслей народнаго хозяйства, и торговля, и промышленность, и акціонерныя компаніи, и банковыя операціи, и ростовщическая земельная эксплуатація,—какъ будто все безъ исключенія оскудѣло въ этой отверженной мѣстности. До сихъ поръ къ такимъ безутѣшнымъ выводамъ не приводило ни одно мѣстное изслѣдованіе по земледѣльческимъ районамъ, и въ этомъ смыслѣ выводъ

совѣщанія является дѣйствительно новымъ, хотя и сомнительнымъ открытіемъ. До сихъ поръ если и говорилось объ оскудѣніи центра имперіи, объ истощеніи житницы Россіи, то всѣми и всегда подразумѣвалось и понималось лишь экономическое истощеніе земледѣльческаго населенія даннаго района—обнищаніе деревенскаго люда и упадокъ помѣщичьяго сельскаго хозяйства и только. Никогда никому и въ голову не приходило соединить въ неразрывныя узы общаго обнищанія и мужика, и кабатчика, и помѣщика, и фабриканта, и ростовщика и утверждать, что вся эта компанія находится въ одинаково несчастномъ положеніи.

Несомнѣнно, что такой невѣрный выводъ могъ получиться лишь отъ невѣрнаго приѣма изслѣдованія экономическаго положенія не отдѣльных классовъ населенія, а цѣлыхъ группъ губерній, безъ всякаго различія возраста и пола, званій и состояній лицъ, ихъ населяющихъ; сравненіе интенсивности обложенія не отдѣльныхъ объектовъ, ему подлежащихъ, и не отдѣльныхъ налоговъ, упадающихъ на то или иное имущество, а чего-то абстрактнаго, въ дѣйствительности не существующаго, какимъ-то абстрактнымъ, не существующимъ, единымъ налогомъ.

Въ этихъ странныхъ приѣмахъ и въ этихъ отвлеченныхъ выводахъ, на нашъ взглядъ, заключается большой пробѣлъ трудовъ совѣщанія. А между тѣмъ при желаніи поближе ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ сельскаго населенія земледѣльческаго района и поближе подойти къ конкретнымъ проявленіямъ земельного оскудѣнія, для совѣщанія при его средствахъ и силахъ представляется столь богатый матеріалъ въ трудахъ земской статистики. На этотъ [недостатокъ первостепенной важности мы считаемъ себя обязанными указать прежде всего, прежде чѣмъ перейти къ болѣе подробному анализу этого труда и прослѣдить вѣрность его выводовъ на конкретномъ примѣрѣ одной изъ губерній злосчастнаго района—Рязанской—по тѣмъ именно даннымъ и цифрамъ, которыя почерпнуты на мѣстѣ, надъ которыми положили такъ много труда столько земскихъ людей и которыми пренебрегло совѣщаніе, съ его официальной статистикой, официальнымъ матеріаломъ и официальными выводами.

Поступленіе окладныхъ сборовъ взято совѣщаніемъ за періодъ 1871—1898 гг., причемъ поступленіе это разбито по пятилѣтіямъ и по указаннымъ районамъ. Картина получается любопытная: «двѣ группы губерній—говоритъ совѣщаніе,—центрально-черноземныя и восточныя, выдѣляются изъ всѣхъ остальныхъ такимъ ненормальнымъ ростомъ недоимокъ, что годовые оклады превышены ими въ два раза и болѣе; притомъ для первой изъ этихъ группъ достойно замѣчанія, что въ началѣ разсматриваемаго двадцативосьмилѣтія положеніе дѣла поступленія окладныхъ сборовъ можетъ быть признано блестящимъ, такъ какъ недоимка составляла всего десятую часть оклада. Невыгодное положеніе двухъ упомянутыхъ группъ выступаетъ особенно рельефно: среди всѣхъ остальныхъ *онѣ пред-*

ставляются какъ бы отдѣльной страной, съ особой системою податнаго обложенія» (курсивъ нашъ).

Первое замѣтное возрастаніе недоимокъ послѣдовало въ пятилѣтіе 1881—1885 годъ и, не взирая на значительное уменьшеніе размѣра окладовъ отъ происшедшаго въ этотъ же періодъ крупнаго пониженія выкупныхъ платежей, недоимки по этимъ двумъ группамъ продолжали возрастать безостановочно. Слѣдующее затѣмъ крупное пониженіе окладовъ послѣдовало въ періодъ 1886—1890 годовъ съ отмѣной подушныхъ податей. На другія мѣстности эти облегченія податнаго бремени имѣли, повидимому, благотворное вліяніе, ибо по большинству изъ нихъ къ этому времени относится и начало пониженія недоимокъ; что же касается центрально-черноземныхъ и восточныхъ губерній, то недоимки продолжали возрастать въ угрожающихъ размѣрахъ. Правда, что усиленный ростъ ихъ послѣдовалъ въ пятилѣтіе 1891—1895 гг., къ каковому періоду относятся и памятные неурожайные годы. Но въ ряду слѣдующихъ лѣтъ было нѣсколько обильныхъ урожаевъ, что и отозвалось на восточномъ районѣ нѣкоторымъ пониженіемъ размѣра недоимокъ; для центрально-черноземной же группы эти благоприятныя условія прошли какъ бы безъ вліянія, и недоимки продолжали возрастать.

Это послѣднее обстоятельство служитъ подтвержденіемъ высказанной выше мысли, что не случайныя или временныя явленія вызвали экономическое оскуднѣніе нѣкогда богатаго черноземнаго района, а болѣе глубокія причины, коренящіяся въ самой основѣ всего его хозяйственнаго строя (курсивъ нашъ).

По отдѣльнымъ районамъ и по пятилѣтіямъ процентное отношеніе недоимокъ къ окладамъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	1871—75 гг.	1876—80 гг.	1881—85 гг.	1886—90 гг.	1891—95 гг.	1896 г.	1897 г.	1898 г.
Сѣверный. . . .	51%	46%	52%	27%	25%	41%	33%	30%
Прибалтійскій. .	22 »	10 »	13 »	31 »	53 »	64 »	57 »	64 »
Сѣверо-западный .	41 »	22 »	12 »	6 »	4 »	9 »	7 »	8 »
Юго-западный. .	13 »	9 »	7 »	15 »	5 »	7 »	7 »	7 »
Промышленный .	25 »	22 »	39 »	41 »	76 »	80 »	82 »	86 »
Центр.-черноземн.	10 »	15 »	32 »	42 »	122 »	127 »	161 »	177 »
Восточный . . .	25 »	36 »	71 »	114 »	236 »	201 »	190 »	232 »
Южный.	21 »	33 »	34 »	40 »	21 »	15 »	10 »	8 »
Малороссійскій. .	14 »	9 »	18 »	37 »	32 »	31 »	30 »	27 »

Двѣ группы земледѣльческихъ губерній высотой своей недоимочности бросаются въ глаза. По отдѣльнымъ губерніямъ интенсивность недоимочности, правда, неодинакова: изъ слѣдующей же таблицы, приводимой въ

трудахъ совѣщанія, мы видимъ, наприм., что за указанныя пятилѣтія процентное отношеніе недоимокъ къ окладу выражается въ цифрахъ:

	1896—1897—1898 гг.							
По Курской губ.	3	2	7	4	50	47	77	83
» Тульской »	3	5	16	35	124	151	205	244

или:

По Вятской губ.	20	24	26	17	23	20	17	38
» Уфимской »	25	40	77	208	336	360	317	397

и т. под.

Цифры эти приводятъ совѣщаніе къ заключенію, что въ «районѣ центрально-черноземномъ ростъ недоимокъ происходитъ хотя медленнѣе, нежели въ восточномъ, но съ неуклоннымъ постоянствомъ, тогда какъ въ послѣднемъ замѣчаются большіе скачки».

Эти цифровыя данныя, по мнѣнію совѣщанія, указываютъ, что постоянный ростъ недоимокъ, на который не дѣйствовали ни лучшіе урожаи, ни двукратное пониженіе окладовъ, нельзя объяснить временными причинами; очевидно, самый хозяйственный организмъ постепенно истощался и оказался не въ силахъ противоудѣйствовать бѣдствію 1891—1892 гг.

Мы подробно останавливаемся на этомъ отдѣлѣ трудовъ совѣщанія, такъ какъ считаемъ его однимъ изъ основныхъ, изъ наиболѣе сильныхъ мѣстъ всего изслѣдованія. Мы не видимъ, чтобы недоимочность восточныхъ губерній представляла болѣе отрадную картину сравнительно съ центральной мѣстностью имперіи, хотя бы уже по той высотѣ процента недоимочности, который только что былъ указанъ и котораго не достигаетъ ни одна губернія центрально-черноземнаго района. Скачки процентовъ, на которые указываетъ совѣщаніе, существуютъ лишь относительно послѣднихъ лѣтъ, что вполне естественно и объяснимо, когда самыя цифры находятся въ зависимости отъ того или иного урожая. По пятилѣтіямъ скачки эти нивелируются, и еще неизвѣстна тенденція этихъ скачущихъ цифръ за послѣднее пятилѣтіе 1896—1901 г. по сравненію съ предыдущими періодами.

Въ непосредственной связи съ поступленіемъ окладныхъ сборовъ крестьянскаго населенія земледѣльской полосы имперіи находится вопросъ объ урожаяхъ и о посѣвахъ хлѣбовъ. Въ трудахъ совѣщанія сгруппированы эти данныя по тѣмъ же районамъ. При всей проблематичности этого статистическаго матеріала, доставляемаго податными инспекторами министерству финансовъ изъ универсальнаго обще-имперскаго источника, изъ данныхъ волостныхъ правленій, все же итоги этихъ цифръ представляются въ высшей степени интересными. Совѣщаніе констатируетъ въ окончательномъ выводѣ, что «въ количествѣ высѣваемыхъ хлѣбовъ произошла, сравнительно съ ростомъ населенія, повсемѣстная убыль; въ среднемъ по 50 губерніямъ Европейской Россіи на cadaго ѣдока крестьянскаго населенія высѣяно въ пятилѣтіе 1891—1895 гг. лишь 65% того, что вы-

сѣвалось въ 1861—1865 гг. Это явленіе объясняется приростомъ населенія, а кромѣ того, какъ показываютъ цифры посадокъ картофеля, занятіемъ подъ этотъ корнеплодъ все большей площади, прежде занятой хлѣбомъ». Совѣщаніе обращаетъ при этомъ особое вниманіе на то, что «нигдѣ пониженіе посѣвовъ не достигло такихъ размѣровъ, какъ по центрально-черноземной группѣ губерній: въ общемъ по Европейской Россіи оно понизилось на 36%, причемъ по всѣмъ остальнымъ группамъ, кромѣ промышленной, оно не достигло этого размѣра, а по центрально-черноземной на 44%, т.-е. уменьшилось почти на половину. Значительное уменьшеніе посѣвовъ относительно населенія произошло и по группѣ промышленныхъ губерній (38%); но тутъ это представляется вполне естественнымъ въ виду отлива населенія отъ земли къ фабрикамъ».

Продолжаемъ цитировать подлинныя слова совѣщанія: «еще болѣе удручающее впечатлѣніе производить разсмотрѣніе цифръ о сборѣ хлѣбовъ относительно населенія». Департаментъ окладныхъ сборовъ, сообщившій совѣщанію цифры сборовъ, сдѣлалъ изъ нихъ интересную выборку, въ которой изобразилъ совокупность сбора хлѣбовъ и картофеля, принимая 3 пуда картофеля = 1 пуду хлѣба (?), т.-е. главнѣйшихъ питательныхъ продуктовъ крестьянскаго населенія, на 1,000 наличныхъ душъ обоого пола и распредѣлил ихъ по тѣмъ же пятилѣтіямъ, принявъ количество перваго пятилѣтія за 100. Получилась слѣдующая таблица:

	1861—1865 г.	1891—1895 г.	
Сѣверный	100	94	Здѣсь нами опущены всѣ промежуточные пятилѣтія.
Прибалтійскій		102	
Сѣверо-западный		120	
Юго-западный		129	
Промышленный		79	
Центрально-черноземный . .		67	
Восточный		100	
Южный		184	
Малороссійскій		107	
Итого по имперіи . .	100	93	

Повторяемъ, къ цифрамъ этимъ, въ виду ихъ происхожденія, необходимо относиться болѣе чѣмъ осторожно; невозможно положительно и безусловно принять выводы совѣщанія о пониженіи количества питательныхъ продуктовъ, получаемыхъ населеніемъ отъ земли, еще и потому, что въ дан-

номъ случаѣ послѣднее пятилѣтіе заключаетъ въ себѣ и злосчастные 1891—1892 гг.; при первомъ же обильномъ урожаѣ картина немедленно измѣняется, что между прочимъ легко видѣть изъ той же таблицы, хотя бы по центрально-черноземному району за цѣлый рядъ пятилѣтій. Съ 1861 и по 1895 годъ цифры сбора здѣсь выражаются такъ: 100, 98, 101, 87, 79, 82, 67. Такимъ образомъ, если бы наблюденію нашему подлежало третье пятилѣтіе, то мы должны были бы придти къ совершенно противоположному выводу и заключить, что благосостояніе населенія поднялось.

Во всякомъ случаѣ, обращаетъ на себя вниманіе, во-первыхъ, то, что по имперіи цифры по пятилѣтіямъ замѣтно понижаются, выражаясь слѣдующимъ образомъ: 100, 102, 99, 93, 95, 93; и во-вторыхъ, что земледѣльческій и промышленный районы особенно выдѣляются своими низкими цифрами сбора.

«Эта убыль въ продуктахъ питанія не пополнена избыткомъ потребленія мяса, овощей и т. п., а составляетъ дѣйствительную убыль, которая была разложена между населеніемъ въ видѣ сокращенія питанія и между хозяйственнымъ скотомъ, частью ухудшеніемъ его корма, частью же просто распродажей скота. Едва ли есть надобность говорить, какое значеніе всѣ эти явленія имѣютъ для района, населеніе котораго живетъ почти исключительно земледѣліемъ», такъ заключаетъ совѣщаніе этотъ отдѣлъ своего труда.

Самый основной, наиболѣе интересный, наиболѣе важный вопросъ о землепользованіи крестьянскаго населенія, какъ о главнѣйшемъ факторѣ оскудѣнія земледѣльческой полосы Россіи, вопросъ, поддающійся наиболѣе точному статистическому учету, привлекъ весьма мало вниманія совѣщанія,—ему посвящена всего одна страница. Можетъ быть, у совѣщанія не оказалось достаточнаго матеріала по этому отдѣлу, можетъ быть, здѣсь имѣли вліяніе еще какія-нибудь причины; во всякомъ случаѣ вопросъ остался совершенно незатронутымъ и неразработаннымъ. Совѣщаніемъ приведена лишь таблица прироста и убыли, и количества десятинъ земли надѣльной и виѣнадѣльной на 1,000 обоого пола душъ сельскаго населенія на 1895 сравнительно съ 1875 годомъ (см табл. стр. 193).

Изъ этой таблицы совѣщаніе, путемъ сопоставленія ея съ таблицей сбора хлѣбовъ, дѣлаетъ одно только заключеніе: что убыль земли въ центрально-черноземномъ районѣ дѣйствовала на схему сбора хлѣбовъ подавляющимъ образомъ, какъ бы не встрѣчая противодѣйствія со стороны самого организма.

Несомнѣнно, что для составленія указанной таблицы совѣщаніе владело достаточно подробнымъ матеріаломъ распредѣленія площади землевладѣнія между крестьянскимъ населеніемъ отдѣльныхъ губерній; матеріалъ этотъ возможно было бы получить въ готовомъ видѣ и изъ учреждений министерства финансовъ, при которомъ и работало совѣщаніе; между тѣмъ онъ остался совершенно не использованнымъ, несмотря на громадное его значеніе для правильности выводовъ поставленной совѣщаніемъ задачи:

земельная обеспеченность или, вѣрнѣе сказать, необеспеченность населенія и непосильное бремя всевозможныхъ повинностей, вотъ—альфа и омега всѣхъ вопросовъ, такъ или иначе соприкасающихся съ оскудѣніемъ земледѣльческаго крестьянскаго населенія Россіи,—вопросовъ давно извѣстныхъ и всесторонне разработанныхъ серьезной экономической литературой. Подобный пробѣлъ въ трудахъ совѣщанія отнимаетъ значительную долю ихъ цѣнности, пробѣлъ тѣмъ болѣе досадный, что причины оскудѣнія центра начинаютъ озабочивать и правительственные органы, и самый вопросъ ставится на правительственное разрѣшеніе.

Р а й о н ы .	Д е с я т и н ѣ .			% отноше- нія.	Примѣчаніе.
	Надѣлн.	Внѣнад.	Итого.		
Сѣверный	— 58	+275	+217	+ 8	До 1895 г. часть надѣловъ была на арендномъ правѣ.
Прибалтійскій	+331	+368	+699	+120	
Сѣверо-западный	—429	+132	—297	— 18	
Юго-западный	—302	+ 34	—268	— 26	
Промышленный	—330	+146	—183	— 10	
Центр.-черноземн. . . .	—342	+ 27	—315	— 20	Отрѣзана въ казну часть башкирскихъ земель.
Восточный	—369	—347	—816	— 23	
Южный	—638	+140	—498	— 24	
Малороссійскій	—182	+ 81	—101	— 8	
Итого по Европейской Россіи	—334	+ 30	—304	— 16	

Столь же слабую разработку получилъ и отдѣлъ о покупкахъ земли при помощи крестьянскаго банка: изъ изслѣдованія мы узнаемъ лишь общіе итоги пріобрѣтенія земли по отдѣльнымъ районамъ губерніи; узнаемъ нѣкоторыя отрывочныя элементарнѣйшія свѣдѣнія о причинахъ того или иного движенія этихъ цифръ; узнаемъ, наконецъ, недоимочность отдѣльныхъ районовъ по платежамъ въ крестьянскій банкъ, причемъ опять-таки на первое мѣсто выступаютъ губерніи центрально-черноземныя и восточныя. Думается намъ, что изъ отчетовъ крестьянскихъ банковъ, на которые ссылается совѣщаніе, можно было бы почерпнуть и болѣе подробныя и интересныя данныя.

Приводимыя совѣщаніемъ свѣдѣнія о крестьянскомъ коневодствѣ, составленныя по даннымъ военно-конской переписи за 1882 г., 1888—1891 гг. и 1893—1894 гг., при всей ихъ неполнотѣ и отрывочности, что признаетъ и само совѣщаніе, съ полной очевидностью однако констатируетъ

убыль и, какъ выражается совѣщаніе, «демократизацію коневодства», или, иными словами, увеличеніе количества однолошадныхъ дворовъ за счетъ многолошадныхъ, каковое явленіе съ особенной силой отмѣчается опять-таки въ земледѣльческихъ—восточномъ и центрально-черноземномъ районахъ. Даже за кратчайшій періодъ, совпавшій съ неурожайными 1891—1892 годами, убыль крестьянскаго скота въ указанныхъ районахъ шла въ ужасающей прогрессіи: такъ, по переписи 1893—1894 годовъ противъ переписи 1888—1891 годовъ оказалось, что по центрально-черноземному району всего убыло изъ 4.178 тысячъ—931 тысяча лошадей и 116 тысячъ дворовъ изъ 2,444 тысячъ обезлошадѣло. Въ нѣкоторое сравненіе съ этими цифрами могутъ идти развѣ только данныя по восточному району, гдѣ за тотъ же періодъ убыло 462 тысячи лошадей, изъ общаго числа ихъ 2,593½ тысячи, и обезлошадѣло 68 тысячъ дворовъ, изъ общаго числа ихъ 1,148½ тысячъ. Большая убыль отмѣчается также по промышленному району, гдѣ убыло 212 тысячъ лошадей изъ 1,910 тысячъ общаго ихъ числа; затѣмъ въ юго-западныхъ губерніяхъ убыло 70 тысячъ, въ малороссійскимъ 56½ тысячъ изъ 1,066½ тысячъ и въ сѣверныхъ 9 изъ 570 тысячъ лошадей; въ прибалтійскихъ и въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ убыль вообще незначительна, менѣе тысячи, и, наконецъ, въ польскихъ прибыло лошадей 40½ тысячъ къ 863½ тысячамъ.

Къ сожалѣнію, размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ болѣе подробно остановиться на этомъ интересномъ матеріалѣ; отмѣтимъ, что за цѣлое десятилѣтіе предыдущаго періода, по переписямъ 1882 г. и 1888—1891 гг. не замѣчалось такого колоссальнаго обнищанія земледѣльческаго района, какъ послѣ упомянутыхъ неурожавъ 1891—1892 гг. Правда, за это десятилѣтіе въ центрально-черноземныхъ губерніяхъ, напр., прибыло всего лишь 27 тысячъ лошадей, что составляетъ въ среднемъ около 0,06 приплода въ годъ; за тотъ же періодъ населеніе этого района съ 15½ миллионъ успѣло возрасти до 17¼, что составляетъ 1,3 прироста въ годъ или, выражаясь фигурально, «на сто ребятъ прибывало пять жеребятъ»; правда и то, что количество безлошадныхъ дворовъ за это десятилѣтіе успѣло возрасти съ 22,9% до 24,2%. Но что значать всѣ эти цифры въ сравненіи съ только что нами разсмотрѣнными, доведшими число безлошадныхъ по переписи 1893 г. въ черноземныхъ губерніяхъ до 31,3%, причемъ особенно выдѣлилась Рязанская губернія съ 35,7% безлошадныхъ дворовъ и Воронежская съ 40,7%.

Болѣе подробнымъ даннымъ о движеніи коневодства и скотоводства за время съ начала 60-хъ годовъ до первой половины 90-хъ, сообщеннымъ совѣщанію департаментомъ окладныхъ сборовъ, врядъ ли можно придавать большое значеніе, такъ какъ остается совершенно неизвѣстнымъ первоначальный источникъ ихъ происхожденія; вѣрнѣе всего, данныя эти получены изъ волостныхъ правленій; въ такомъ случаѣ строить на нихъ какіе-либо твердые выводы было бы рисковано. Повидимому, и само совѣ-

шаніе относилось къ свѣдѣніямъ этимъ осторожно, воздержавшись отъ какихъ-либо подробныхъ общихъ выводовъ по столь обширному статистическому матеріалу. Во всякомъ случаѣ и по этимъ даннымъ необходимо придти къ заключенію объ огромной убыли скота, доходящей по отдѣльнымъ губерніямъ, за послѣдніе годы, до 50 и даже болѣе процентовъ; таковы, напр., Тамбовская, Симбирская, Воронежская, Рязанская и другія губерніи. Въ частности, прибыль коневодства отмѣчается лишь по южнымъ, юго-западнымъ, а за 70-е и 80-е годы и по сѣверо-западнымъ губерніямъ; по всѣмъ остальнымъ районамъ, особенно по промышленнымъ, восточнымъ и центрально-черноземнымъ губерніямъ констатируется прогрессирующая убыль этой главнѣйшей отрасли сельскаго хозяйства.

Разсмотрѣнными отдѣлами, на нашъ взглядъ, и исчерпывается главнѣйшая часть изслѣдованія, поскольку оно относится къ экономическому оскудѣнію центра. Всѣ остальные вопросы въ томъ видѣ, какъ они выдвинуты и разработаны совѣщаніемъ, имѣютъ весьма относительный интересъ и значеніе, являясь лишь косвенными, второстепенными, иногда весьма отдаленными показателями экономического положенія земледѣлія даннаго района. Таковы, напр., отдѣлы о положеніи торговли и промышленности, о денежномъ обращеніи въ разныхъ губерніяхъ, о соотношеніи между государственными доходами и расходами по отдѣльнымъ территоріямъ и проч. Между тѣмъ эти-то отдѣлы и являются наиболѣе разработанными совѣщаніемъ въ ущербъ важнѣйшей части изслѣдованія.

Вопросы о цѣнности земли и о сельско-хозяйственной платѣ тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ и оказываютъ прямое вліяніе на успѣхъ земледѣлія и сельско-хозяйственной культуры, если бы только они построены были на болѣе достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ, чего далеко нельзя сказать про матеріалы, которыми пользовалось совѣщаніе. Мы не стали бы долго останавливаться на миниатюрнѣйшемъ отдѣлѣ изслѣдованія о цѣнности земли, казалось бы безспорномъ и безусловномъ, обоснованномъ на данныхъ государственныхъ гипотечныхъ банковъ, если бы не одно положеніе совѣщанія, неправоподобность котораго прямо бросается въ глаза каждому, мало-мальски знакомому съ истиннымъ положеніемъ вещей на мѣстѣ. «За весь періодъ 1875—1894 гг.,—говоритъ совѣщаніе,—по всѣмъ группамъ губерній земельная цѣнность, выраженная (банковскими) оцѣнками, постоянно возрастала, *кромѣ группъ* центрально-черноземныхъ губерній, гдѣ въ послѣднее пятилѣтіе она *понижилась*. Если изъ данныхъ гипотечныхъ банковъ вытекаетъ такое явленіе, то несомнѣнно оно имѣетъ своей причиной какое-либо случайное, привходящее обстоятельство, отклонившее обычное повышательное движеніе цѣнности земли въ черноземной полосѣ Россіи; можетъ быть, явленіе это стоитъ въ связи съ измѣненіемъ соотношенія отдѣльныхъ губерній и даже мѣстностей въ предѣлахъ одной губерніи въ большемъ или меньшемъ участіи въ операціяхъ гипотечныхъ банковъ, причемъ мѣстности малоцѣнные получили случайно преобладающее значеніе въ этихъ операціяхъ; можетъ быть,

вліяли какія-либо другія причины; во всякомъ случаѣ—утвержденіе, что цѣны на землю въ черноземныхъ губерніяхъ падаютъ, звучитъ страннымъ и непривычнымъ для уха диссонансомъ, совершенно несоотвѣтствующимъ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ для Рязанской губерніи.

Еще хуже обстоитъ дѣло съ вопросомъ о заработной платѣ въ изслѣдованіи совѣщанія. Последнее и само, впрочемъ, признаетъ, что «срочная годовая и лѣтняя плата представляетъ въ имѣвшемся матеріалѣ такіа рѣзкія колебанія, что относится съ довѣріемъ къ этимъ цифрамъ невозможно. Достаточно указать на нѣсколько примѣровъ: такъ, по Новгородской губерніи за послѣдовательный рядъ лѣтъ (1880—1883) годовая наемная плата показана въ 102 руб., 65 руб., 108 руб., 33 руб., и т. д. Все это дискредитируетъ данныя о сельско-хозяйственной заработной платѣ,—говоритъ далѣе совѣщаніе,—и дѣлаетъ невозможными (курсивъ нашъ) какіе-либо опредѣленные и детальныя выводы изъ имѣющагося матеріала».

Лично намъ хорошо извѣстенъ порядокъ доставленія и способъ полученія тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщены совѣщанію департаментомъ окладныхъ сборовъ и которыя привели его въ такое затрудненіе: доставляются свѣдѣнія эти періодически податными инспекторами по донесеніямъ волостныхъ правленій; получается статистика произвольныхъ цифръ, сообщенныхъ лицами и учрежденіями, въ большинствѣ случаевъ чуждыми и не заинтересованными тѣмъ предметомъ, о которомъ они сообщаютъ—скучная обязанность официальнаго донесенія, гдѣ главнѣйшую роль играетъ срочность выполненія и № бумаги, нежели ея содержаніе. Подобная бюрократическая статистика совершенно непригодна для изслѣдованій, имѣющихъ научный характеръ. Вотъ почему къ выводамъ этихъ отдѣловъ не только мы, но и само совѣщаніе относится такъ осторожно, чтобы не сказать—отрицательно.

Мы уже говорили, что задачу правительственнаго совѣщанія составляло не только констатированіе самаго факта экономическаго упадка земледѣлческой полосы имперіи, но и выясненіе начальнаго, исходнаго пункта и основныхъ причинъ этого упадка. Къ разсмотрѣнію этихъ причинъ мы обратимся позже, теперь же мы хотѣли бы нѣсколько остановиться на соотношеніи государственныхъ доходовъ и расходовъ и на развитіи торговли и промышленности по отдѣльнымъ районамъ имперіи: изъ изслѣдованія совѣщанія какъ бы вытекаетъ не только причинная связь между указанными отраслями народнаго и государственнаго хозяйства, съ одной стороны, и оскудѣніемъ черноземныхъ губерній—съ другой, но и угнетенное состояніе самыхъ этихъ отраслей. На такой постановкѣ вопроса необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе.

Прежде всего мы не можемъ себѣ уяснить той точки зрѣнія,—и на это мы уже указывали нѣсколько ранѣе,—когда въ вопросѣ обложенія выдвигаются на первый планъ не дѣйствительные плательщики или разряды обложенныхъ имуществъ, а нѣчто отвлеченное, въ дѣйствительности ни-

чѣмъ не обложенная территоріальная единица, имѣющая исключительное значеніе административнаго подраздѣленія. Сказать, что какая-либо Рязанская губернія обложена сильнѣе, нежели Московская, значить ровно ничего не сказать, ибо какъ та, такъ и другая губернія въ отношеніи обложенія представляются лишь фикціей, совокупностью цѣлой массы самыхъ разнообразныхъ объектовъ обложенія, случайно группирующихся такъ или иначе въ предѣлахъ указанныхъ административныхъ территорій: какъ въ Рязанской, такъ и въ Московской, такъ и во всѣхъ другихъ губерніяхъ существуютъ, примѣняются и функционируютъ налоги, одинаковые для всей имперіи; земля повсемѣстно, независимо отъ губерній, обложена поземельнымъ налогомъ, а надѣлы, сверхъ того, еще выкупными платежами, мірскими и продовольственными сборами; торговля и промыслы несутъ промысловой налогъ; доходы отъ денежныхъ капиталовъ—особый процентный сборъ и т. д. Указавъ, что Московская губернія уплачиваетъ въ годъ налоговъ 112,7 милл. руб., Петербургская 342,9 милл. руб., центрально-черноземныя 106,4 милл. руб., а сѣверныя 21,2 милл. руб., туркестанскія 8,9 милл. руб., мы все-таки не знаемъ и не видимъ относительной тяжести обложенія имущества этихъ губерній: мало того, если даже мы приведемъ цифры эти къ величинамъ между собой соизмѣримымъ, наприм., къ суммѣ налоговъ, падающихъ на квадратную версту или на душу населенія, или, наконецъ, разобьемъ совокупность налоговъ этихъ на ихъ составныя части, наприм., на выкупные платежи, промысловой налогъ, питейные сборы и пр., и приведемъ эти составныя цифры опять-таки къ величинамъ соизмѣримымъ, наприм., къ десятинѣ земли, къ наличной душѣ и пр., мы все-таки не разрѣшимъ основного вопроса, насколько же тотъ или иной налогъ тяжелъ для населенія, ибо для сужденій нашихъ не будетъ главныхъ свѣдѣній, мѣрила цѣнности и доходности облагаемыхъ имуществъ.

Такимъ образомъ, на нашъ взглядъ, та часть работы совѣщанія, гдѣ сгруппированы абсолютныя цифры и данныя объ обложеніи цѣлыхъ районовъ губерній—непроизводительно затраченный трудъ, не пригодный ни съ научной, ни съ практической точки зрѣнія. Всѣ колонны цифръ, приводимыхъ совѣщаніемъ, всѣ таблицы и діаграммы—мертвы, онѣ ничего не подсказываютъ изслѣдователю; никакихъ положительныхъ выводовъ изъ нихъ сдѣлать нельзя. Иное дѣло, если бы совѣщаніе освѣтило этотъ цифро-вой матеріалъ, если бы оно сказало намъ, что, положимъ, изъ 106 милл. руб., уплачиваемыхъ въ годъ центрально-черноземными губерніями, 50 милл. руб. приходится на долю питейнаго дохода, 25—30 милл. руб. на выкупные платежи, 5—6 милл. руб. на промысловой налогъ и т. д.; если бы оно рассказывало намъ далѣе, что доходность надѣловъ этого района приноситъ въ годъ при среднемъ урожаѣ 100 милл. руб., а что средняя годовая прибыльность всѣхъ торгово-промышленныхъ предпріятій выражается въ цифрѣ 90 милл. руб.,—тогда для насъ было бы ясно, что надѣлы несутъ тяжелое обложеніе, вдесятеро большее, нежели промышленность; мы увидѣли бы тогда, что и питейные доходы несутъ въ сущности все тѣ же надѣлы, ибо со-

вѣщаніе должно было указать въ своей работѣ, что въ центрально-черноземныхъ губерніяхъ на 100 жителей крестьянскаго населенія, занимающагося по преимуществу обработкой надѣловъ, приходится 5 — 10 человѣкъ другихъ сословій. Тогда мы были бы въ правѣ согласиться съ совѣщаніемъ, что дѣйствительно надѣлы центрально-черноземной полосы обложены тяжелыми, непосильными налогами. Но совѣщаніе ничего подобнаго намъ не сказало; оно манипулируетъ какими-то безцѣльными цифровыми упражненіями, высчитывая, сколько платитъ налоговъ фиктивная цѣнность, фиктивный объектъ обложенія—«районъ» губерній. Подобные расчеты возможно приурочить къ любому абстрактному понятію; наприм., сколько падаетъ налоговъ на извѣстную мѣру воднаго или воздушнаго пространства? Столь же праздными представляются намъ и вычисленія государственныхъ расходовъ по районамъ и по губерніямъ. Съ точки зрѣнія той или иной экономической политики можно критиковать, оспаривать, не признавать тѣ или иные государственные расходы, можно, наприм., доказывать, что расходы на народное образованіе, на поддержаніе нормальнаго питанія крестьянскаго населенія представляются болѣе неотложными и болѣе необходимыми, чѣмъ на развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ или на поддержаніе отечественной промышленности и т. п. Все это вопросы спорные, обосновывающіеся на той или иной финансовой теоріи, на той или иной экономической дисциплинѣ. Но требовать, чтобы всѣ государственные доходы съ данной губерніи или съ даннаго района необходимо возвращались въ эту же губернію въ видѣ государственныхъ расходовъ—значило бы возвращаться къ средневѣковымъ понятіямъ, къ финансовой системѣ пошлинъ и заставъ, когда каждое правительственное или феодальное дѣйствіе и услуга оплачивались особымъ спеціальнымъ сборомъ, спеціальнымъ налогомъ. Такая близорукая финансовая система въ самомъ корнѣ противорѣчила бы принципу общественности, идеѣ государства какъ союза, единенія гражданъ.

Мы не предполагаемъ распространяться на эту тему, ибо она составляетъ элементарнѣйшее понятіе финансовыхъ наукъ. Насъ только удивляетъ, какимъ образомъ административному правительственному совѣщанію могла придти въ голову столь въ высшей степени анти-государственная идея? Ставши на этотъ путь сепаратическихъ стремленій и требованій, легко зайти очень далеко: сегодня губернія скажетъ: возврати мнѣ всѣ мои налоги, завтра съ этимъ требованіемъ выступитъ уѣздъ, а еще спустя нѣкоторое время и каждый плательщикъ пожелаетъ, чтобы всѣ его налоги возмѣщались ему лично расходами государственнаго казначейства. Что же получится тогда съ самымъ принципомъ налоговъ, вытекающимъ изъ идеи государства, какъ общественнаго союза, нуждающагося въ средствахъ общественнаго значенія?

Совѣщаніе полагаетъ, что черноземныя губерніи страдаютъ отъ того, что налоги ихъ далеко не возмѣщаются для нихъ государственными расходами; что, уплачивая въ среднемъ 106,4 милл. руб. въ годъ, онѣ получаютъ обратно въ видѣ государственныхъ расходовъ лишь 42,8 милл. руб.;

(мы беремъ изъ трудовъ совѣщанія огульныя цифры всѣхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ). Дальше совѣщаніе подраздѣляетъ ихъ по категоріямъ, и соотношеніе цифръ тогда мѣняется; но цифры здѣсь не важны, мы возражаемъ противъ самой сущности, противъ постановки вопроса. Нѣтъ, совсѣмъ не отъ того терпятъ черноземныя губерніи, движеніе по территоріи государства государственныхъ доходовъ не можетъ и не должно идти параллельно съ движеніемъ расходовъ, ихъ пути и ихъ задачи разные. Разумная финансовая политика требуетъ лишь, чтобы доходы государства и налоги его сообразовались съ доходами плательщиковъ, чтобы ни одинъ классъ населенія не страдалъ налоговымъ обремененіемъ, сравнительно съ другими, чтобы не было привилегированныхъ и непривилегированныхъ предметовъ обложенія и чтобы всѣ плательщики были одинаково податнымъ. Обремененному плательщику нисколько не будетъ легче отъ того, если онъ переѣдетъ изъ своей захудалой деревушки, затерявшейся гдѣ-нибудь въ тамбовскихъ степяхъ, въ столицу, гдѣ на каждого жителя (абстрактно) падаетъ такая масса государственныхъ расходовъ, ибо лично ему они нисколько не помогаютъ. Государственные расходы имѣютъ свои особыя цѣли, особыя задачи, особые планы, совершенно независимые отъ принципа справедливаго и равномѣрнаго обложенія. Эту элементарнѣйшую финансовую аксіому забыло совѣщаніе въ своей погонѣ за эфемерной справедливостью въ равновѣсіи государственныхъ доходовъ и расходовъ въ каждомъ отдѣльномъ районѣ имперіи.

Подобное направленіе экономическаго обслѣдованія губерній, путемъ исчисленія превышенія доходовъ надъ расходами или обратно, практикуется однако у насъ не впервые, и не совѣщанію принадлежитъ честь его изобрѣтенія. Еще въ 1898 году вышелъ въ свѣтъ «Финансово-статистическій атласъ Россіи», составленный по officialнымъ даннымъ Г. Антроповымъ, гдѣ на картограммахъ наглядно изображено распредѣленіе государственныхъ доходовъ и расходовъ по губерніямъ на 1 квадратн. версту и на одного жителя. Отмѣтимъ, впрочемъ, что этотъ болѣе полно, нежели діаграммы совѣщанія, составленный атласъ имѣетъ еще и то преимущество, что изъ сопоставленія цѣлаго ряда картограммъ и сопровождающаго ихъ текста все же можно составить себѣ нѣкоторую картину интенсивности обложенія не только отдѣльныхъ губерній, что въ сущности совершенно безцѣльно, но и отдѣльныхъ группъ населенія, отдѣльныхъ разрядовъ плательщиковъ, чего положительно невозможно почерпнуть изъ всего труда совѣщанія. Такъ, изъ картограммы № 13 атласа мы видимъ наприм., что на десятину земли въ Рязанской губерніи падаетъ поземельныхъ сборовъ свыше 40 к., что свыше 70% всей площади частновладѣльческой земли этой губерніи заложены въ кредитныхъ учрежденіяхъ, причемъ размѣръ ссуды на 1 десятину колеблется въ предѣлахъ 50—70 руб., что въ общемъ, слѣдовательно, составляетъ платежей свыше 2 рублей съ десятины. Изъ послѣдующихъ картограммъ того же атласа мы видимъ далѣе, что на ту же Рязанскую губернію упадетъ свыше 2 милл. руб. выкупныхъ платежей съ надѣль-

ныхъ земель на 1,827 тысячъ жителей обоого пола по переписи 1897 г., что на каждого жителя Рязанской губерніи приходится 21 градусъ потребленія спирта, что составляетъ 2 руб. 10 коп. акциза и т. д. Въ общемъ обрисовывается, хотя и слабыми штрихами, картина обложенія отдѣльныхъ разрядовъ плательщиковъ.

Интересующійся обложеніемъ торговли и промысловъ въ губерніи почерпнетъ изъ того же атласа, что Рязанская губернія уплачиваетъ (въ то время) всего торговыхъ сборовъ до 367 тыс. руб., тогда какъ размѣры производства ея фабрично-заводской промышленности укладываются въ предѣлы 10—30 милл. руб. и т. д.

Мы далеки отъ мысли ставить въ образецъ научныхъ изслѣдованій и трудовъ этотъ атласъ; мы лишь указываемъ, что если прибѣгать къ широкому пользованію картограммами и діаграммами для нагляднаго изображенія финансоваго или экономическаго положенія отдѣльныхъ районовъ имперіи, то слѣдуетъ составлять картограммы эти полнѣе и подробнѣе, чтобы изъ нихъ дѣйствительно обрисовывалось положеніе какъ самой отрасли народнаго хозяйства, такъ и интенсивности ея обложенія, чего далеко нельзя сказать про діаграммы и таблицы совѣщанія.

Еще въ началѣ статьи мы указывали, что совѣщаніе въ своемъ стремленіи доказать угнетенное экономическое положеніе центрально-черноземныхъ губерній переходитъ границу и, проникшись ошибочнымъ сочувствіемъ не только къ дѣйствительно угнетеннымъ отраслямъ земледѣльческаго хозяйства, но и ко всей вообще экономической дѣятельности этого района, въ чемъ бы она ни проявлялась, будь то фабрично-заводская или торгово-промышленная индустрія, восклицаетъ: «вниманіе останавливается на угнетенномъ положеніи центрально-черноземныхъ губерній, которымъ отмѣчаются для нихъ все виды торгово-промышленной предпріимчивости и въ смыслѣ размѣровъ ея и въ смыслѣ движенія».

Этого сочувствія мы совершенно не раздѣляемъ, ибо находимъ, что оно не соотвѣтствуетъ истинному положенію вещей. Да и вопросъ еще, насколько желателенъ вообще быстрый ростъ торгово-промышленной дѣятельности въ районахъ по преимуществу земледѣльческихъ. Правда, изъ діаграммъ, приложенныхъ къ изслѣдованію, мы видимъ, что по относительнымъ размѣрамъ оборотовъ торгово-промышленныхъ гильдейскихъ предпріятій (на 1 жителя за 1890—98 гг.) центрально-черноземныя губернія стоятъ на послѣднемъ мѣстѣ; по прибылямъ акціонерныхъ предпріятій—на предпослѣднемъ, а по оборотамъ торгово-промышленныхъ негильдейскихъ предпріятій—на пятомъ отъ конца, опередивъ сѣверный Кавказъ, восточныя губерніи, малороссійскія и сѣверныя. Но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что высокими оборотами вообще отмѣчаются лишь столичныя, польскія, прибалтійскія и южныя губерніи; остальные районы, не исключая и *промышленнаго*, разнятся между собой лишь немного, и если на 1 жителя центрально-черноземныхъ губерній приходится за 1898 г. 16 руб. оборота торгово-гильдейскихъ предпріятій, то въ промышленномъ и мало-

россійскомъ районахъ его приходится 20 руб., въ восточномъ и сѣверо-западномъ—19 руб. и въ сѣверномъ—17 руб.; если на жителя центрально-черноземныхъ губерній за тотъ же 1898 годъ приходится оборота промышленно-гильдейскихъ предпріятій—5 руб., то въ промышленномъ районѣ его приходится 11 руб., а въ юго-западныхъ, малороссійскихъ, восточныхъ и сѣверныхъ всего лишь по 4 руб. Въ предпріятіяхъ негильдейскихъ картина еще рельефнѣе: въ центрально-черноземномъ районѣ на жителя приходится за 1898 годъ 5 руб. торговаго оборота и 0,65 руб. промышленнаго, по промышленнымъ губерніямъ соотвѣтствуютъ цифры—6,1 руб. и 1,1 руб., по сѣверному Кавказу—4,8 и 0,8 руб., по восточнымъ губерніямъ—4,8 и 0,7 руб., по Малороссіи—4,4 и 0,9 и, наконецъ, по сѣвернымъ—2,8 и 0,2 руб.

По прибылямъ акціонерныхъ предпріятій и восточныя, и черноземныя, и сѣверныя губерніи находятся совершенно въ одинаковомъ положеніи.

Замѣтимъ далѣе, что цифры оборотовъ торгово-промышленныхъ предпріятій, какъ абсолютныя, такъ и относительныя, въ центрально-черноземныхъ губерніяхъ годъ отъ году возрастаютъ, наприм., по гильдейско-торговымъ съ 10 руб. за 1890 г. до 16 руб. за 1898 г. на жителя и по промышленнымъ съ 2 руб. до 5 руб.; по негильдейско-торговымъ съ 3,1 до 5 руб. и по непромышленнымъ съ 0,4 до 0,65 руб. на жителя; по акціонернымъ предпріятіямъ торговымъ съ 3 до 7 руб.; промышленнымъ съ 1 до 2 руб. на 100 жителей, за тотъ же періодъ; между тѣмъ и по сѣвернымъ и даже по промышленнымъ губерніямъ уровень гильдейскихъ оборотовъ упалъ за этотъ періодъ съ 22 руб. за 1894 годъ до 20 руб. за 1898 годъ, по сѣвернымъ съ 19 руб. за 1894 годъ до 17 руб. за 1898 годъ и т. д.

На чемъ же основываетъ совѣщаніе свои выводы объ угнетенномъ положеніи торгово-промышленной дѣятельности центрально-черноземныхъ губерній? Гдѣ доказательства, гдѣ основанія и мотивы его сочувствія? Мы смѣло утверждаемъ, что этихъ доказательствъ у него нѣтъ, что положеніе торговли и промысловъ въ земледѣльческихъ губерніяхъ вполне нормальное, что ростъ этой отрасли народнаго хозяйства идетъ естественнымъ путемъ и никакихъ искусственныхъ мѣръ поощренія не требуетъ. Столичные и другіе районы кипучей фабрично-заводской и торговой дѣятельности не могутъ идти въ сравненіе съ мѣрнымъ и тихимъ ходомъ жизни земледѣльческихъ мѣстностей.

А. Еропкинь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу о черноморскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго года я напечаталъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* нѣсколько замѣтокъ о Черноморьѣ и черноморскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Эти замѣтки вызвали обширное возраженіе г. Щербины, появившееся тоже въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. На мой отвѣтъ послѣдовало новое возраженіе г. Щербины.

Въ общихъ чертахъ наше разногласіе заключается въ слѣдующемъ.

Для оживленія богатнаго побережья отъ Новороссійска до Сухума предполагается провести здѣсь желѣзную дорогу. Признавая не только пользу, но и необходимость постройки этого рельсоваго пути, я говорю, что эта длинная вѣтвь (шестьсотъ верстъ) встрѣтитъ большія техническія трудности и, конечно, будетъ стоить дорого. Въ интересахъ Кубанской области и Черноморской губерніи чрезвычайно важна недлинная (двѣсти съ небольшимъ верстъ) и дешевая,—такъ какъ она прошла бы главнымъ образомъ по ровной степи,—линія Туапсе—Майкопъ—Армавиръ. Послѣдній пунктъ—станція владикавказской дороги, второй—центръ уже теперь значительной торговли; Туапсе—лучшая якорная стоянка и единственный хорошій портъ (еще какъ слѣдуетъ не оборудованный) на всемъ побережьѣ отъ Новороссійска до Сухума. Въ настоящее же время товары (хлѣбъ, табакъ и др.) двигаются по дорогамъ, которыя послѣ снѣга и дождей почти непроходимы. Въ началѣ декабря прошлаго года я ѣхалъ на четвергѣ лошадей отъ Майкопа до Армавира (сто съ небольшимъ верстъ) три дня, два раза ночевалъ въ дорогѣ. Провезти пудъ клади на этомъ разстояніи при такихъ условіяхъ стоитъ 40—60 копеекъ. Встрѣченный мною рыбный торговецъ (онъ везъ керченскую сельдь) подрядилъ фуры отъ Армавира до Майкопа по семидесяти копеекъ за пудъ.

Г. Щербина стоитъ за береговую желѣзную дорогу, хотя и говоритъ: «Съ точки зрѣнія наибольшаго привлеченія грузовъ предпочтительнѣе передъ другими указанное В. А. Гольцевымъ въ № 29 *Русскихъ Вѣдомостей* направленіе Армавиръ — Майкопъ — Туапсе». На это я возразилъ: «Такъ какъ желѣзныя дороги строятся главнымъ образомъ (помимо стратегическихъ соображеній и дорогъ пригородныхъ, дачныхъ) именно для

Объ упадкѣ земледѣлія и его нуждахъ *).

II.

Передъ нами статистическій матеріалъ экономическаго положенія населенія Рязанской губерніи, начиная съ 1872 года, когда впервые произведено экономическое обслѣдованіе губерніи при оцѣнкѣ предметовъ земскаго обложенія, «Обзоръ и результаты работъ рязанскаго губернскаго земства по оцѣнкѣ предметовъ земскаго обложенія», изданіе 1877 года, и кончая изданіемъ того же губернскаго земства 1900 года «Матеріалы по оцѣнкѣ пахотныхъ и сѣнокошныхъ земель Рязанскаго уѣзда». За этотъ періодъ въ губерніи произведено нѣсколько земскихъ статистическихъ обслѣдованій, изъ которыхъ наиболѣе цѣнными являются четыре сборника извѣстнаго статистика Григорьева, работа, произведенная въ 1882 году по 4-мъ уѣздамъ губерніи и къ крайнему сожалѣнію прерванная постановленіемъ губернскаго земскаго собранія.

Продолженіемъ этихъ работъ являются 12 земскихъ статистическихъ сборниковъ экономическаго положенія крестьянскаго населенія, по 12 уѣздамъ и сводъ данныхъ по всей губерніи, составленные А. Селивановымъ въ періодъ 1881—1887 гг. (изданія 1892 года). Къ позднѣйшимъ крупнымъ земскимъ работамъ по выясненію экономическаго положенія населенія относятся доклады предсѣдателя рязанской губернской земской управы князя Н. С. Волконскаго о продовольственной кампаніи за 1897, 1898 и 1899 года, и его же статистическое обслѣдованіе экономическаго состоянія селеній 5 волостей Михайловскаго уѣзда, пострадавшихъ отъ неурожая 1897—1898 гг. (изданіе 1899 года).

Передъ нами далѣе приложенія къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ рязанскаго губернатора за 1872—1900 года и въ высшей степени любопытная брошюра, изданіе рязанскаго статистическаго комитета, «Выводы разработки статистическихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи крестьянъ Рязанской губерніи за 2-ю половину 1891 года». Изъ позднѣйшихъ источниковъ отмѣчу еще два моихъ экономическихъ обслѣдованія крестьянскаго насе-

*) *Русская Мысль*, кн. V, 1902 г.

ленія Ряжскаго уѣзда: «Отчетъ ряжскаго податнаго инспектора за 1895 г.» и «Исслѣдованіе по нѣкоторымъ податнымъ вопросамъ надѣльнаго земле-
владѣнія» 1898 года.

Передъ нами, наконецъ, отдѣльныя свѣдѣнія объ экономическомъ состояніи населенія, почерпнутыя изъ журналовъ земскихъ собраній, изъ официальныхъ данныхъ о поступленіи окладныхъ сборовъ и пр.

Постараемся разобратся во всемъ этомъ обширномъ статистическомъ матеріалѣ, главнымъ образомъ въ земскихъ работахъ, какъ болѣе точныхъ, научно обоснованныхъ и разработанныхъ, чтобы составить себѣ примѣрную картину, въ сжатыхъ контурахъ, роста или упадка экономического положенія населенія Рязанской губерніи за вторую половину истекшаго вѣка. Ни размѣры, ни цѣль настоящей нашей статьи не позволяютъ намъ углубиться въ слишкомъ сложныя и мелкія подробности. По возможности будемъ кратки, будемъ отмѣчать лишь наиболѣе яркія и рельефныя явленія народнаго хозяйства.

Вопросъ по опредѣленію размѣра территоріи и количества десятинъ земли въ губерніи является наиболѣе спорнымъ, наиболѣе слабо разработаннымъ во всѣхъ безъ исключенія обслѣдованіяхъ, какъ земскихъ, такъ и правительственныхъ: по генеральному размежеванію пространство Рязанской губерніи опредѣлилось въ 724 кв. мили или въ 3.690,021 десятина. По исчисленіямъ Швейцера, пространство губерніи показано на 39 квадратныхъ миль *болѣе*, чѣмъ по исчисленіямъ генеральнаго межеванія; военнотопографическое депо въ 1851 году опредѣлило пространство губерніи на 78 квадратныхъ верстъ *меньше*, чѣмъ генеральное межеваніе. По свѣдѣніямъ центрального статистическаго комитета общее количество десятинъ земли въ губерніи показано въ 3.742,218; какъ видимъ, опять не совпадаетъ съ данными генеральнаго межеванія.

Земскій учетъ земель находится не въ лучшемъ положеніи. Хотя рязанская губернская земская управа еще въ 1872 году заявила, что «весьма важное для земства и государства дѣло регистраціи поземельной собственности настоящими работами (по оцѣнкѣ) получило довольно прочную основу», но тутъ же признавала, что «безусловно точное исчисленіе земли оказалось невозможнымъ въ дачахъ неразмежеванныхъ, находящихся еще въ чрезполосномъ владѣніи. Въ такихъ дачахъ поземельныя свѣдѣнія хотя и исчислялись на основаніи полюбовныхъ сказокъ, но очень часто случалось, что расчеты этихъ сказокъ далеко не сходились съ дѣйствительнымъ владѣніемъ. Но вообще говоря, по мнѣнію управы, земли ускользнувшей такимъ путемъ отъ исчисленія—очень ограниченное количество» *). По учету оцѣночныхъ отрядовъ площадь губерніи опредѣлена въ 3.640,814 дес. Можетъ быть, въ сравненіи съ учетомъ уѣздныхъ земскихъ управъ, насчитывавшихъ къ тому же времени всего лишь 3.555,150 десятинъ, новыя данныя губернскаго земства по открытію новыхъ земель, не бывшихъ въ

*) См. «Обзоръ работъ рязанскаго земства», стр. 34.

обложеніи, и представлялись настолько цѣнными, что дозволяли придти къ такому оптимистическому выводу; тѣмъ не менѣе лично для насъ, довольно близко знакомыхъ съ послѣдующимъ ходомъ работъ и общей постановкой регистраціи земельныхъ владѣній въ губерніи, не представляется ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что учетъ земель весьма далека еще отъ истины и что многія обширныя земельныя площади ускользаютъ отъ обложенія. Производящіяся въ настоящее время работы по переоцѣнкѣ предметовъ земскаго обложенія не замедлятъ, конечно, подтвердить справедливость нашихъ словъ; но не въ томъ теперь дѣло. Позднѣйшихъ послѣ 1872 года работъ по учету земли въ губерніи не производилось; свѣдѣнія же по земской переписи 1887 г. въ этой части, видимо, оказались неточными, ибо самъ составитель свода по губерніи г. Селивановъ предпочитаетъ обращаться и пользоваться въ вопросахъ поземельной регистраціи данными центрального статистическаго комитета, а не своими собственными работами.

Какъ бы то ни было, земскими оцѣночными работами въ 1872 году зарегистрировано 2.026,568 дес. земель крестьянскихъ обществъ; 1.283,832 десятины земель частныхъ владѣльцевъ разнаго наименованія, 4,527 дес. земель, принадлежащихъ городамъ, 87,058 десятинъ земель казенныхъ и 238,829 десятинъ, по коимъ свѣдѣній не собрано *).

По подворной переписи 1887 года, какъ она выразилась по подсчету переписныхъ бланковъ, надѣльной земли зарегистрировано 1.897,070 дес. и внѣнадѣльной общественной 166,368 десятинъ.

Какъ видимъ, сравнительно съ переписью 1872 года площадь общественной крестьянской земли увеличилась на 36,770 десятинъ, что составляетъ 1,7% по отношенію ко всей площади, и это болѣе чѣмъ за десятилѣтній періодъ. За то же время населеніе успѣло возрасти на 15—20%, принимая 1,3 прироста въ годъ.

Немудрено, что 77 тысячъ крестьянскихъ семействъ, составляющихъ почти треть всего крестьянскаго населенія губерніи (257 тыс. домохозяевъ), обратились къ арендованію земли всего 293,816 десятинъ на сумму 2.251,000 руб. **). Только арендой этой внѣнадѣльной земли и могла быть покрыта потребность въ ней прироста населенія, хотя бы и по столь высокой арендной платѣ, въ среднемъ свыше 7,5 руб. за десятину.

Изъ статистическаго сборника Селиванова мы видимъ, что со времени X ревизіи (1858 года), когда крестьянское приписное населеніе состояло изъ 1.202,247 душъ обоего пола, оно увеличилось на 412,688 душъ или на 34%.

По разрядамъ крестьянъ процентъ прироста населенія представляетъ значительныя отклоненія отъ средняго по губерніи. Въ сборникѣ приводится, между прочимъ, весьма любопытная таблица, гдѣ приростъ насе-

*) Тамъ же, стр. 35.

**) „Сводъ статистическихъ свѣдѣній по Рязанской губерніи“, изданія 1892 года, таблицы, стр. 62 и сл.

нія сопоставленъ съ данными о размѣрахъ земельного обезпеченія различныхъ разрядовъ крестьянъ: оказывается, что у государственныхъ крестьянъ при размѣрахъ земельного обезпеченія въ 4,1 дес. на окладную душу приростъ населенія выражается въ 40%; тогда какъ:

У государственныхъ, бывшихъ помѣщичьихъ при 2,8 дес.	36%
» бывшихъ помѣщичьихъ » 2,8	» 33%
» » удѣльныхъ » 3	» 25%
» государственныхъ, бывшихъ коммисіи со- оруженія московскаго храма » 2,8	» 25%
» дарственныхъ » 0,8	» 20%
» полныхъ собственныхъ » 4,6	» 12%
» фабричныхъ » 0,4	» 11%
Итого у бывшихъ владѣльческихъ при 2,6 дес.	32%
У татаръ Касимовскаго уѣзда » 6,1	» 5%

Въ сборникѣ отмѣчается соотвѣтствіе между размѣрами надѣла и процентомъ прироста. Что касается до полныхъ собственниковъ и татаръ, у которыхъ при сравнительно значительномъ земельномъ надѣлѣ замѣчается ничтожный процентъ прироста населенія, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что оба эти разряда крестьянъ выдѣляютъ изъ своей среды весьма значительное количество лицъ, занимающихся отхожимъ промысломъ, что можетъ вліять на уменьшеніе процента рождаемости *).

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, — такъ резюмируется этотъ отдѣлъ сборника, — что естественный приростъ населенія, помимо размѣра земельного надѣла, зависитъ отъ многихъ другихъ факторовъ, тѣмъ не менѣе изъ приведенныхъ цифръ вліяніе на приростъ населенія размѣра надѣла, обуславливающего до извѣстной степени матеріальное благосостояніе крестьянскаго населенія, является весьма вѣроятнымъ».

Врядъ ли кто сталъ бы и отрицать первенствующее значеніе этого фактора въ отмѣченномъ явленіи. Конечно, ближайшими причинами того или иного процента прироста населенія могутъ быть и инныя, хотя бы указанный уже отхожій промыселъ. Но съ другой стороны, причиной развитія отхожихъ промысловъ въ свою очередь въ огромномъ большинствѣ случаевъ является опять-таки земельная необезпеченность населенія; такимъ образомъ это послѣднее обстоятельство и является первопричиной пониженія процента прироста населенія.

Конечно, автору можно сдѣлать упрекъ въ нѣкоторой отвлеченности его вычисленій земельного обезпеченія на «окладную душу», что въ сущности мало выясняетъ дѣйствительную степень обезпеченности населенія, гдѣ важны цифры наличныхъ ѣдоковъ, далеко не пропорціональныя цифрамъ «окладного», часто совершенно фиктивнаго населенія, какъ, наприм., при ревизской разверсткѣ земли окладовъ и паевъ. При распредѣленіи земли на наличное населеніе картина нѣсколько измѣняется:

*) См. „Сводъ статистическихъ данныхъ по Рязанской губерніи“ 1892 г., стр. 50.

По переписи 1881—1887 годовъ („Сводъ“, стр. 67).	На наличную душу обоого пола.	На домохо- зяина.	На работни- ка.
	Д е с я т и н ѣ	з е м л и.	
У татаръ	2,6	14,9	9,8
» государственныхъ четвертныхъ . .	2	14,2	8,4
» » душево-четверт.	2	13	8,1
» полныхъ собственниковъ	1,9	12,6	8,1
» государственныхъ душевыхъ . . .	1,4	9,2	5,6
» удѣльныхъ	1,2	8,6	4,6
» помѣщичьихъ	1,2	6,8	4,2
» государственныхъ, бывшихъ комис- сіи сооруженія московскаго храма.	1	6,9	4,2
» государственныхъ, бывшихъ помѣщ.	1	6,6	4
» дарственныхъ	0,3	2	1,2
» фабричныхъ	0,1	0,8	0,5
Въ среднемъ по губерніи . .	1,2	7,8	4,8

Составитель свода отмѣчаетъ, что такимъ образомъ «крестьяне, бывшіе помѣщичьи всѣхъ наименованій, составляющіе двѣ трети всего крестьянскаго населенія губерніи, не имѣютъ того количества земли, котораго было бы достаточно для обезпеченія существованія средней семьи... Что размѣръ надѣла въ весьма значительной степени вліяетъ на общій уровень благосостоянія—это совершенно понятно само собой. Цифрами это доказать труднѣе, такъ какъ благосостояніе населенія зависитъ и отъ очень разнообразныхъ причинъ и часто почти невозможно на практикѣ показать силу вліянія того или другого фактора въ общественныхъ явленіяхъ» (стр. 67).

Признаемся, мы не являемся сторонниками такихъ уклончивыхъ выводовъ и такихъ «смягчающихъ обстоятельствъ»; вопросъ необходимо ставить твердо, не боясь прямыхъ выводовъ. Не думаемъ, чтобы цифрами было трудно доказать зависимость благосостоянія *земледѣльческаго* населенія отъ земельной его обезпеченности. Мы уже не говоримъ про ту цифровую вѣдомость, которая приведена на слѣдующей же страницѣ свода, гдѣ ясно до очевидности, безспорно и безусловно устанавливается эта зависимость и гдѣ процентъ безземельныхъ постепенно падаетъ съ 8,7% до 2,6% параллельно съ возрастаніемъ земельной обезпеченности надѣломъ разныхъ группъ крестьянъ, начиная съ 1 десятины и менѣе и до 6 дес. и болѣе на надѣльную душу, гдѣ процентъ безкоровныхъ и безлошадныхъ такимъ же образомъ падаетъ съ 44,4 до 29,2% и съ 41,9 до 27,5%, а процентъ домохозяевъ, не имѣющихъ ни лошади, ни коровы — съ 33 до 20%, процентъ бездомовыхъ—съ 13,3 до 8,1% и процентъ семей, живущихъ на сторонѣ—съ 6,3 до 1,7%; процентъ семей, арендующихъ земли, съ 56,7 падаетъ до 16,2% въ послѣдней группѣ крестьянъ, достаточно обезпеченныхъ надѣломъ.

Не станемъ говорить про то, какіе доходы возможно получить домохозяину, обеспеченному 0,3 и даже 0,1 десятины надѣла на наличную душу: эти цифръ не требуютъ никакихъ комментарій.

Вдумаемся теперь и примѣнимъ самый элементарнѣйшій расчетъ доходности того нормальнаго земельного обеспечения, которымъ пользуется, какъ мы знаемъ, около $\frac{2}{3}$ крестьянскаго населенія губерніи, причемъ останемся въ области цифръ цитируемыхъ статистическихъ сборниковъ. Изъ свода г. Селиванова (стр. 123) мы знаемъ, что на каждыя 100 десятинъ общаго количества земли приходится 66,7 десятинъ пашни, 8,1 десятины лѣсной площади и 20,3 десятины луговъ, выгонной и усадебной земли; остальное—неудобная земля. Итакъ, при 6,6—6,9 десятинахъ надѣла на домохозяйство, состоящее въ среднемъ изъ 6,3 душъ обоюго пола (стр. 57), на пахоть необходимо отчислить 4,6 десятины; при трехпольной системѣ хозяйства, слѣдовательно, подъ посѣвомъ ржи должно оказаться $1\frac{1}{2}$ дес.; столько же и подъ посѣвомъ яровыхъ (овса).

Примѣняя нормы урожайности надѣловъ, вычисленныя въ сводѣ по 20-лѣтнимъ даннымъ (1869—1888 гг.) изъ опросныхъ бланковъ,—въ среднемъ рожь сама 4,2 и овесъ самъ 3,5 (цифры, вполне совпадающія съ данными губернской земской управы за этотъ же періодъ времени, гдѣ средніе урожаи ржи показаны самъ 4,6 и для овса самъ 3,8 съ амплитудой колебанія между отдѣльными волостями для ржи 2,1—8,1 и для овса 2—7,8),—получаемъ въ средній годъ для средней крестьянской семьи съ площади посѣва ржи 56,7 пудовъ, овса 42 пуда, или за вычетомъ сѣмянъ 47,7 пудовъ ржи и 30 пудовъ овса—вотъ годовой запасъ зерна для семьи со всего надѣла.

Сборники не даютъ намъ никакого матеріала для вычисленія продовольственныхъ потребностей населенія. Поэтому обратимся къ постороннимъ источникамъ и вспомнимъ, что по вычисленіямъ Маресса среднее потребление крестьянами хлѣба выражается цифрою 18,2 пуда въ годъ на душу. Такимъ образомъ для удовлетворенія продовольственныхъ потребностей семьи при обыкновенномъ урожаѣ въ среднемъ по губерніи нехватаетъ 41,3 пудовъ зерна.

А платежи?

Намъ могутъ указать, что въ настоящее время пахотная площадь надѣловъ увеличилась за счетъ лѣсныхъ и выгонныхъ пространствъ. Приведемъ современную намъ картину экономическаго положенія надѣльнаго землевладѣнія. Въ 1895 году въ годовомъ своемъ отчетѣ по ряжскому податному участку я указывалъ, что въ Ряжскомъ уѣздѣ на $121,702\frac{3}{4}$ десятины надѣльной земли падаетъ ежегодно сборовъ:

Поземельнаго налога	17,022 руб. 57 коп.
Выкупныхъ платежей	240,745 » 90 »
Земскаго сбора	38,597 » 34 »
Страховыхъ платежей	48,567 » 21 »
Мірскихъ сборовъ	77,568 » 72 »
Итого	422,501 руб. 74 коп.

Или по 3 р. 47 к. за каждую десятину земли.

Какую же часть чистаго дохода поглощаютъ эти поземельные налѣги? Въ томъ же году на надѣлахъ Ряжскаго уѣзда было засѣяно:

Озимой рожью	34.104 дес.
Яровыми: овсомъ	19,465 »
» просомъ	8,737 »
» картофелемъ	5,532 »
Остальными яровыми	1,018 »
Итого	68,856 дес.

За вычетомъ сѣмянъ собрано:

Ржи	223,818 четв.
Овса	81,309 »
Проса	22,400 »
Картофеля	146,419 »
Остальныхъ яровыхъ	6,746 »

Кромѣ того, собрано сѣна до 484,000 пудовъ.

Въ то время въ среднемъ четверть ржи стоила 3 руб., четверть овса 2 руб., четверть проса и другихъ яровыхъ 6 руб., картофеля 1 руб., сѣно 12 коп. пудъ; получаемъ валовой доходъ надѣльной земли за вычетомъ сѣмянъ 1.249,000 руб. Вычитаемъ среднюю стоимость обработки земли по 10 руб. кругъ (т.-е. десятина озимаго и десятина ярового), а всего 344,000 руб., получаемъ чистую прибыль надѣльной земли 905,000 руб. на 121,700 десятинъ всей площади надѣла или 7 руб. 43 коп. съ десятины. Съ этого чистаго дохода уплачивается повинности 3 руб. 47 коп., или 46,7% чистой прибыли.

Вотъ типичный земледѣльческій уѣздъ съ надѣльной площадью, по преимуществу черноземною, гдѣ лѣсныя пространства давно вырублены и распаханы, гдѣ пашня, какъ видимъ, занимаетъ около 82% всей площади надѣловъ.

Въ статьѣ моей «Земля и фабрика» *) мною вычислялось, что при нормальномъ питаніи (по нормѣ Маресса), для крестьянскаго населенія Ряжскаго уѣзда нехватало бы зерна на уплату повинностей приблизительно на сумму 154 тыс. руб. Этотъ дефицитъ пополняется населеніемъ частью путемъ замѣны чистаго хлѣба суррогатами его, наприм., картофелемъ, частью сокращеніемъ душевого продовольственнаго пайка, частью, наконецъ, путемъ переселенія и развитіемъ отхожихъ промысловъ.

Я указывалъ тогда, что для уплаты повинностей крестьяне Ряжскаго уѣзда необходимо должны продать всѣ запасы овса, кромѣ того до 75,000 пуд. ржи. А затѣмъ на продовольствіе населенія остается по 14,5 пуд. зерна на душу, а за отчисленіемъ 0,8 пудовъ съ души на помоль и еще того меньше (13,7 пуд.).

*) Русская Мысль 1898 г., № 9, стр. 147.

Мы далеки отъ мысли какъ тогда, такъ и теперь отстаивать безусловность приводимыхъ нами цифръ и расчетовъ; въ данномъ случаѣ они имѣютъ лишь относительное значеніе въ качествѣ показателя соотношенія доходности надѣловъ съ лежащими на нихъ обязательствами къ государству (повинности) и къ семьѣ (продовольствіе). Соотношеніе это и указываетъ большую неравномѣрность, большой минусъ въ приходѣ. Само собой разумѣется, что тѣмъ или инымъ путемъ въ конечномъ результатѣ населеніе балансируетъ свои бюджетныя статьи прикупкой хлѣба на счетъ постороннихъ своихъ источниковъ дохода, никакого отношенія къ надѣламъ не имѣющихъ, наприм., изъ заработной платы, или потребленіемъ суррогатовъ хлѣба или, наконецъ, накопленіемъ недоимокъ.

Рязскій уѣздъ, цифры котораго мы разсмотрѣли, въ данномъ случаѣ вовсе не является какимъ-нибудь исключеніемъ въ смыслѣ обремененности надѣловъ различного рода повинностями. Уѣздъ этотъ является лишь однимъ изъ образцовъ всей нашей системы прямого обложенія надѣльнаго землевладѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, за тотъ же годъ по всей Рязанской губерніи по даннымъ годового отчета г. управляющаго рязанской казенной палатой совокупность всѣхъ упдающихъ на надѣлы платежей составляла:

Выкупныхъ платежей	2.899,347 р.
Поземельнаго налога	207,025 »
Земскаго сбора	604,792 »
Страховыхъ платежей	833,404 »
Мірскихъ сборовъ	1.434,000 »
Сбора въ частный продовольственный капиталъ	86,672 »
Итого	7.065,240 р.

Или по 3 р. 72 к. съ десятины (1.896,000 дес.).

Въ то же время съ надѣльной земли по всей губерніи снято было:

Ржи	3.046,000 четв.
Овса	2.102,000 »
Гречихи	151,000 »
Проса	266,000 »
Картофеля	2.888,000 »

За покрытіемъ расходовъ зерна по обѣмненію полей и годовому довольствію наличнаго населенія, получается по расчетамъ г. управляющаго остатокъ отъ урожая:

Ржи	+ 914,800 четв.
Овса	+ 882,400 »
Гречихи	+ 17,900 »

и недостатокъ отъ неурожая:

Картофеля	— 1.082,200 четв.
Проса	— 141,200 »

Переводя итоги эти на деньги по существовавшимъ среднимъ цѣнамъ, получается свободный остатокъ отъ урожая + 1.836,000 руб.

Мы приводимъ данныя официальныхъ источниковъ во всей неприкосновенности ихъ официальныхъ расчетовъ и съ своей стороны отмѣчаемъ лишь цифровыя соотношенія чистой доходности надѣла къ совокупности падающихъ на него налоговъ. Здѣсь выводъ ясенъ, здѣсь не можетъ быть двухъ мнѣній; утверждать, что вліяніе земельной обезпеченности въ качествѣ фактора, вліяющаго на благосостояніе населенія, трудно доказывается цифрами, — значитъ не желать ближе подойти къ анализу разсматриваемаго социальнаго явленія и закрывать глаза на существующую дѣйствительность.

Мы не станемъ загромождать нашу статью дальнейшимъ цифровымъ матеріаломъ по тому же вопросу изъ статистическаго свода г. Селиванова. Укажемъ лишь, что по вычислениямъ свода при обычномъ урожаѣ ржи крестьянскому населенію губерніи ежегодно нехватаетъ для продовольствія, считая и *урожаи съ купчей и арендной земелью* до 950,000 четв. *).

Неужели съ этими цифрами въ рукахъ автору свода не ясна зависимость благосостоянія населенія отъ его земельной обезпеченности? Какія же еще требуются доказательства? Намъ скажутъ: «трудъ, работа, вотъ залогъ благосостоянія и экономическаго преуспѣянія народовъ». Старые, истрепанные софизмы. Какъ будто обработка надѣла — не трудъ, какъ будто не въ потѣ лица добывается здѣсь насущный хлѣбъ. Мы говоримъ, что недостатокъ и необезпеченность надѣловъ разрушаетъ земледѣльческій строй государства, разрушаетъ семью, разрушаетъ его экономическія основы, а намъ отвѣчаютъ: направьте лишнія рабочія силы на обработку и на аренду чужихъ полей (по 7 руб. 50 коп. за десятину), въ отхожіе промыслы, на фабрики и заводы, ищите тамъ новыхъ факторовъ экономической мощи населенія». Вотъ радикальное средство поднять земледѣліе!

Вопросъ о необезпеченности крестьянскаго населенія губерніи надѣльною землею мы разсмотрѣли всесторонне, исходя изъ разныхъ источниковъ, съ разными статистическими данными въ рукахъ—и правительственными и земскими. Недостатокъ продовольственныхъ средствъ устанавливается всѣми расчетами, какіе бы масштабы мы ни примѣняли. Единственный упрекъ, который намъ могутъ сдѣлать и который мы вполне заслужили, это—огульность нашихъ вычисленій. Въ вопросахъ потребленія крайне важно установить размѣры потребленія того или иного продукта не вообще, огульно всей страной, а отдѣльными группами потребителей. Это требованіе не устраняется даже и при выясненіи потребленія населеніемъ такого продукта первѣйшей необходимости, какъ хлѣбъ.

Принимая вполне заслуженный упрекъ, мы тѣмъ не менѣе нисколько не сомнѣваемся, что детальное разсмотрѣніе вопроса о потребленіи хлѣба отдѣльными группами крестьянскаго населенія не только не ослабитъ, но

*) См. „Сводъ“, стр. 139—141.

еще болѣе подтвердить основное наше положеніе о недостаточности надѣловъ на удовлетвореніе продовольственныхъ потребностей губерніи; оно и понятно, если только вспомнить, что каждый лишній пудъ свободного для продажи зерна, вывезенный болѣе зажиточнымъ крестьяниномъ на рынокъ, еще болѣе понижаетъ продовольственную норму потребления въ группѣ крестьянъ менѣе зажиточныхъ, менѣе обеспеченныхъ, ибо при нашихъ огульныхъ расчетахъ мы допускаемъ невольную фикцію равномѣрнаго потребления населеніемъ *всего* хлѣба со всей площади надѣловъ, чего въ дѣйствительности, конечно, нѣтъ и быть не можетъ.

«По способу эксплуатаціи надѣловъ, — говорится въ статистическомъ сборникѣ Селиванова *), — крестьянскія семьи могутъ быть распределены на три группы, представляющія между собой рѣзкія различія въ хозяйственномъ отношеніи. Группы эти слѣдующія:

1. Обрабатывающія надѣлы собственнымъ инвентаремъ 160,126 семей, т.-е. 66,4%
2. Обрабатывающія надѣлы чужимъ инвентаремъ, съ помощью чужихъ лошадей и орудій . 51,911 » » 21,5%
3. Вовсе не обрабатывающія надѣла (сдающія его) 29,137 » » 12,1%

Такимъ образомъ только $\frac{2}{3}$ всѣхъ надѣльныхъ семей имѣетъ собственный инвентарь, дающій имъ возможность вести самостоятельное хозяйство; остальная треть за неимѣніемъ собственного инвентаря, вынуждена прибѣгать или къ найму или вовсе переходить въ разрядъ безхозяйныхъ семей, сдавая надѣлы въ аренду и даже забрасывая его окончательно.

Хозяйство крестьянъ, обрабатывающихъ надѣлы наймомъ большею частью за неимѣніемъ лошадей, настолько непрочное, зависитъ отъ столькихъ случайностей, что лишь рѣдкіе изъ такихъ домохозяевъ могутъ удержаться, чтобы не впасть въ полное разореніе и такимъ образомъ пополнить собой ряды безземельнаго пролетаріата.

% крестьянъ, сдающихъ свои надѣлы, представляетъ собой *одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ упадка благосостоянія населенія* (курсивъ нашъ).

А безземельные? Переписью 1887 года зарегистрировано по губерніи 15,544 семьи (51,000 человекъ), совершенно не имѣющихъ надѣльной земли; средній составъ такихъ семей ровно вдвое менѣе надѣльныхъ дворовъ — 3,3 ѣдоковъ на семью. По разрядамъ крестьянъ распределеніе безземельныхъ семей, какъ и слѣдовало ожидать, соответствуетъ размѣрамъ надѣльной обеспеченности:

	% семей.
Бывшіе фабричные	51,7
Полные собственные	12,3
Дарственные	9,6
Бывшіе комиссіи сооруж. храма	8,1
Государственные бывш. помѣщ.	7,7

*) 1887 годъ, стр. 142.

Бывшіе помѣщичьи	7,6
Бывшіе удѣльные	6,4
Государственные четвертные	3,8
Государственные душевые	2,4
Татары	3,5
Государственные душево-четвертные	1,2

Переходимъ къ наиболѣе рельефному показателю экономическаго благосостоянія крестьянскаго населенія и къ наиболѣе точному и подробнѣе разработанному отдѣлу земской переписи 1887 г. о *скотоводствѣ*.

Абсолютныя цифры здѣсь мало освѣщаютъ вопросъ, важно относительное ихъ значеніе, важно распредѣленіе скота по отдѣльнымъ группамъ зажиточныхъ и менѣе зажиточныхъ дворовъ. Если мы скажемъ, что переписью 1887 г. зарегистрировано въ губерніи 284 $\frac{1}{2}$ тыс. лошадей, 54 $\frac{1}{2}$ тыс. жеребятъ и 233 $\frac{1}{2}$ коровъ, а всего вообще скота въ переводѣ на крупный (5 головъ мелкаго за голову крупнаго) 862 $\frac{1}{2}$ тыс. головъ на 257 тыс. домохозяиствъ, изъ которыхъ, какъ знаемъ, 15 $\frac{1}{2}$ тыс. безземельныхъ, то получается иллюзія нѣкоторой зажиточности населенія, обезпеченность его и лошадьми, и рогатымъ, и мелкимъ скотомъ: 1.298,000 овецъ. Болѣе чѣмъ по 5 головъ овецъ на каждый дворъ—чего же лучше?

Но когда мы внесемъ сюда нѣкоторую поправку и укажемъ, что та же перепись отмѣтила по губерніи 99 тыс. хозяйствъ безлошадныхъ, 47 $\frac{1}{2}$ тыс. безкоровныхъ и 66 $\frac{1}{2}$ тыс. дворовъ, не имѣющихъ ни лошади, ни коровы, то миражъ быстро разсѣивается, и передъ нами встаетъ дѣйствительность крайне непригляднаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, четвертая часть населенія—готовый пролетаріатъ, близкій къ нищенству; почти половина домохозяевъ, лишенныхъ необходимѣйшаго живого инвентаря для обработки надѣла; картина экономическаго благосостоянія населенія приобретаетъ темные тоны.

По разрядамъ крестьянъ распредѣленіе скота слѣдующее:

	%	%	%	На 10 работ- ковъ лошадей.	На семью.		
					Лошадей.	Коровъ.	Мелк. скота.
Бывшіе фабричные	89	45	54	1	0,2	0,5	0,9
Полные собственники	54	33	34	5	0,7	1,1	5,3
Дарственные	43	44	33	6,1	1	0,6	7,6
Бывшіе комисс. сооруж. храма .	38	26	24	6	0,9	1,1	4,4
Бывшіе помѣщичьи	38	34	26	6,8	1,1	0,9	6,3
Госуд. бывш. помѣщ.	39	35	28	7,1	1,1	0,9	7,1
Государств. душевые	38	34	24	7,2	1,2	0,9	7,2
Татары	41	29	26	7,4	1,1	1,2	5,5
Бывшіе удѣльные	38	38	28	7,9	1,4	1,2	11,1
Госуд. душево-четверт.	29	25	19	9,6	1,5	0,9	9,3
Государств. четвертные	26	26	18	10,8	1,7	1	11,3
Всего	38,5	34	25,8	7	1,1	0,9	6,7

Повторяется обычная знакомая уже намъ картина благосостоянія населенія: бывшіе помѣщичьи крестьяне, въ качествѣ типичныхъ среднихъ по губерніи; бывшіе государственные всевозможныхъ категорій въ группахъ болѣе зажиточныхъ, а дарственные, фабричные и полные собственники, въ группѣ оскудѣвшихъ.

«Значительный процентъ безлошадныхъ дворовъ,—говорится въ текстѣ Свода (стр. 156),—а въ особенности дворовъ, не имѣющихъ ни лошади, ни коровы, служить признакомъ обѣднѣнія населенія и развивающагося пролетаріата. Для выясненія причинъ этого явленія было бы крайне важно сравнить экономическое положеніе населенія въ настоящее время съ тѣмъ, что было въ эпоху освобожденія крестьянъ».

Далѣе въ Сводѣ сопоставляются цифровыя данныя по 630 селеніямъ государственныхъ крестьянъ Рязанской губерніи, извлеченныя изъ описанія ихъ кадастровымъ отрядомъ въ 1864 году, съ цифрами переписи 1887 года. Результаты получаются поучительные.

Число дворовъ по кадастру 64 г.	58,164	По переписи 87 г.	84,377
» лошадей	103,596	»	104,695
» коровъ	66,809	»	78,360
» мелкаго скота и молодого	370,122	»	581,516
Всего въ переводѣ на крупный			
скотъ	244,430	»	299,358
крупнаго скота на дворъ . .	4,2	»	3,5
безлошадныхъ дворовъ . . .	7,084 (12,2%)	»	31,574 (37,4%)
безземельныхъ дворовъ . . .	0	»	2,215 (2,6%)

На каждаго домохозяина приходилось:

Лошадей въ 1864 году	1,8	Въ 1887 году	1,2
коровъ	1,1	»	0,9
головъ крупнаго скота	4,2	»	3,5

Безлошадныхъ дворовъ увеличилось на 24,490, или въ четыре съ половиною раза. Безземельныхъ домохозяевъ въ 1864 году въ средѣ государственныхъ крестьянъ не было ни одного, теперь ихъ насчитывается 2,215 дворовъ.

«Таковы перемѣны,—такъ заключаетъ авторъ Свода,—происшедшія въ экономическомъ состояніи государственныхъ крестьянъ въ теченіе какихъ-нибудь 20 лѣтъ. Что же мудренаго въ томъ, что положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, надѣленныхъ меньшимъ количествомъ земли, представляется въ настоящее время еще болѣе безвыходнымъ и ужаснымъ».

Обѣднѣніе крестьянскаго населенія, по словамъ Свода, косвенно отозвалось и на физической его организаціи... По Рязанской губерніи процентъ лицъ, не принятыхъ въ военную службу по недостатку роста, болѣзненнымъ и тѣлеснымъ недостаткамъ и недовозмужалости, съ каждымъ годомъ все увеличивается. Такъ, съ 22,5% въ 1874 году онъ возросъ до 39,2 въ 1883 году, т.-е. чуть не въ два раза. Трудно объяснить та-

кое увеличеніе простою случайностью. Очевидно, причина заключается въ общемъ упадкѣ экономическаго благосостоянія, влекущемъ за собой и физическое вырожденіе населенія.

Однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ пополненія крестьянскаго денежнаго приходнаго бюджета являются заработки и промыслы какъ мѣстные, такъ и отхожіе. Въ настоящее время мы не станемъ останавливаться на вопросѣ о вліяніи, которое вносятъ въ крестьянскую среду отхожіе промыслы,—этотъ ужаснѣйшій бичъ народнаго здоровья, народной нравственности и семейныхъ устоевъ; этотъ вопросъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко. Что вліяніе это несомнѣнно сказывается, мало того, что безъ подобныхъ заработковъ крестьянское населеніе губерніи не могло бы существовать,—это ясно изъ всего ранѣе нами изложеннаго. Въ самомъ дѣлѣ, если нами установлено, на основаніи данныхъ разсматриваемыхъ статистическихъ сборниковъ, что у населенія, за покрытіемъ его продовольственныхъ потребностей, для уплаты повинностей обнаруживается бѣльшая или меньшая цифра дефицита въ зависимости отъ лучшаго или худшаго урожая, отъ лучшей или худшей почвы, свойства пашни, то ясно, что населеніе тѣмъ или инымъ путемъ должно покрыть этотъ дефицитъ: и накопленіе недоимокъ, и сокращеніе душевого пайка, все имѣетъ свои предѣлы; волей-неволей рабочее населеніе должно отрываться отъ земледѣльческаго занятія и искать побочнаго, подсобнаго заработка на сторонѣ. Иной вопросъ—насколько вообще желательно это явленіе. Мы лишь отмѣчаемъ его наличность; указываемъ, что въ экономическомъ строѣ крестьянскаго хозяйства Рязанской губерніи оно играетъ весьма немаловажное значеніе.

Мы не хотимъ загромождать нашу статью излишнимъ цифровымъ матеріаломъ, иначе намъ неминуемо было бы обратиться и къ изслѣдованіямъ о крестьянскихъ бюджетахъ. Думаемъ, что вопросъ этотъ ясенъ и самъ по себѣ: для каждаго вполне очевидно, что современный намъ бытъ русскаго мужика, хотя бы и въ самомъ центрѣ житницы Россіи, весьма далекъ отъ натуралистическаго хозяйства и что крестьянскій бюджетъ въ настоящемъ своемъ видѣ является въ значительной степени бюджетомъ денежнымъ; крестьянину нужны деньги не только на уплату повинностей, но и на многія и многія потребности своего домашняго хозяйства—и на покупку инвентаря, и на одежду, и на обувь, и на водку, и на соль, и на керосинъ, и проч.

Во всѣхъ предшествующихъ нашихъ расчетахъ мы исходили изъ основаній чисто-натуралистическаго хозяйства; мы вычисляли чистый сборъ зерна и потребность въ этомъ зернѣ для продовольствія населенія и для уплаты повинностей. Другихъ расчетовъ намъ и не требовалось, ибо цѣлью нашего изслѣдованія является именно выясненіе причины упадка и нуждъ земледѣлія, какъ такового. И вотъ, если мы пришли къ выводу и къ убѣжденію, что наличность зерна не удовлетворяетъ этимъ двумъ элементарнѣйшимъ потребностямъ чисто-натуралистическаго характера, что населеніе вынуждено производить здѣсь *приплату* изъ другихъ, посто-

ронныхъ для земледѣлія источниковъ, то всѣ дальнѣйшіе наши расчеты остальныхъ денежныхъ потребностей крестьянской семьи являлись бы излишней подробностью, ясной самой по себѣ.

Итакъ, мы вновь повторяемъ и подчеркиваемъ эту нашу мысль, что заработокъ населенія отъ различныхъ его промысловъ представляетъ собой источникъ посторонній, ни малѣйшаго отношенія ни къ земледѣльческому занятію, ни къ эксплуатаціи надѣловъ не имѣющій. И если собственникъ обремененнаго гипотечными долгами имѣнія или арендаторъ, зарвавшійся въ арендной платѣ, въ правѣ домогаться пониженія своихъ платежей, ссылаясь на угнетенное состояніе своего хозяйства, не только не приносящаго никакого чистаго дохода, но даже и не окупающаго издержекъ производства и не обезпечивающаго продовольственныхъ потребностей запасами хлѣба собственного производства, если мы соглашаемся съ резонностью и справедливостью ихъ домогательствъ, то почему же земледѣлецъ обязанъ пополнять изъ постороннихъ источниковъ дефицитъ своего скуднаго надѣльнаго или аренднаго хозяйства; почему считается естественнымъ оторвать его отъ семьи и отъ постоянного привычнаго занятія и отправить его за тридевять земель въ поискахъ заработковъ, обезпечивающихъ исправное поступленіе надѣльныхъ повинностей? Почему то, что считается неразумнымъ и нерасчетливымъ для однихъ, въ то же время представляется естественнымъ и желательнымъ для другихъ? И развѣ здѣсь недопустимъ иной болѣе логичный выводъ согласованія доходовъ надѣловъ съ ихъ расходами путемъ пониженія упадающихъ на нихъ платежей? Если намъ скажутъ, что такому пониженію не угнаться за естественнымъ приростомъ населенія, которое потребуетъ все большаго и большаго количества запасовъ зерна для своего продовольствія, то мы отвѣтимъ, что въ дѣйствительности не только приростъ населенія не достигъ еще столь угрожающихъ размѣровъ, но что и государственный-то нашъ бюджетъ по отдѣлу какъ косвенныхъ, такъ и прямыхъ налоговъ всецѣло почти покоится на плечахъ все тѣхъ же надѣловъ.

Завзятымъ поборникамъ крестьянскихъ промысловъ, какъ основы крестьянскаго благополучія, даже въ надѣльномъ его хозяйствѣ, мы укажемъ, что и эта вождедѣнная панацея не достигаетъ и не можетъ достигнуть возложенныхъ на нее надеждъ, какъ на единственное спасительное средство отъ экономическаго крестьянскаго оскудѣнія уже по одному тому, что число отхожихъ рабочихъ далеко не соотвѣтствуетъ не только наличнымъ рабочимъ силамъ населенія, но даже и числу дворовъ особенно въ южныхъ земледѣльческихъ уѣздахъ. Въ Михайловскомъ уѣздѣ, наприм., зарегистрировано $13\frac{1}{2}$ тыс. отхожихъ рабочихъ на 22,993 двора и на 37,970 взрослыхъ рабочихъ мужского пола; въ Рязкомъ уѣздѣ—4 тыс. отхожихъ рабочихъ на 21,610 дворовъ и на 32,938 всѣхъ рабочихъ; въ Сапожковскомъ у.—2,740 отхожихъ рабочихъ на 23,905 дв. и на 38,356 рабочаго населенія; въ Пронскомъ—8 тыс. отхожихъ рабочихъ на 16 тыс. дворовъ и на 26 тыс. мужскаго рабочаго населенія и т. д. Что значать

въ самомъ дѣлѣ какихъ-нибудь 3—4 тысячи рабочихъ на 20—30 тысячъ семей и на 30—40 тыс. рабочаго населенія, нуждающагося въ подсобныхъ заработкахъ? Если даже допустить, что нѣкоторые отдѣльные счастливые дворы получаютъ по 50—100 руб. дохода съ отхожихъ промысловъ, то вѣдь этихъ счастливицевъ лишь $\frac{1}{7}$ часть; положеніе остальныхъ шести дворовъ отъ высокаго заработка ихъ сосѣда нисколько не измѣняется; они все же вынуждены будутъ искать помощи дома отъ щедротъ все того же землевладѣнія и земледѣлія.

Итакъ, вліяніе земельной обезпеченности на приростъ населенія и на его физическую крѣпость; недостатокъ продовольствія для $\frac{2}{3}$ всего крестьянскаго населенія губерніи около 950 тыс. пудовъ ржи со всей площади крестьянскихъ полей и надѣльныхъ, и купчихъ, и арендныхъ; $\frac{1}{3}$ всего крестьянскаго населенія, не имѣющая инвентаря для обработки надѣла и $15\frac{1}{2}$ тыс. семей безземельныхъ, 99 тысячъ (38,5%) хозяйствъ безлошадныхъ и $66\frac{1}{2}$ тыс. (25,8%)—не имѣющихъ ни лошади, ни коровы; упадокъ хозяйства даже въ разрядѣ болѣе обезпеченныхъ крестьянъ государственныхъ со времени 1864 по 1887 годъ и, наконецъ, смутныя надежды на благотѣльную экономическую панацею въ видѣ заработковъ и промысловъ,—вотъ выводы и картина экономическаго положенія крестьянъ Рязанской губерніи по земской переписи 1887 года.

«Разработка данныхъ, добытыхъ путемъ подворнаго статистическаго изслѣдованія въ Рязанской губ.,—значится въ заключительной главѣ сборника,—привела насъ къ заключенію о томъ, что экономическое положеніе крестьянскаго населенія за послѣднее время значительно ухудшилось, что обѣднѣніе обнаруживается цѣлымъ рядомъ экономическихъ признаковъ не только у бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, но и у государственныхъ, лучше надѣленныхъ землею и находящихся поэтому сравнительно въ гораздо лучшихъ условіяхъ. Очевидно, неблагопріятное экономическое положеніе крестьянъ проистекало не отъ однихъ условій земельного надѣла, но зависѣло также и отъ другихъ причинъ, болѣе общихъ, хотя несомнѣнно, что земельныя условія имѣли выдающееся значеніе».

Пользуясь отвѣтами и отзывами данными правительству уѣздныхъ земствъ и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ въ 1882 году въ виду предстоявшихъ тогда работъ о пониженіи выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, сборникъ отмѣчаетъ различныя причины упадка крестьянскаго хозяйства, изъ которыхъ главная: малоземелье, неудобства и недоброкачественность надѣла, упадокъ или отсутствіе мѣстныхъ промысловъ, истощеніе почвы, разложеніе общиннаго начала, низкія цѣны на хлѣбъ и обременительность крестьянскихъ платежей, пожары, падежи скота и неурожай—все знакомые мотивы, къ разсмотрѣнію которыхъ мы обратимся въ концѣ нашей статьи.

Разсмотрѣнное нами обслѣдованіе было единственнымъ подворнымъ статистическимъ обслѣдованіемъ, произведеннымъ одновременно по одной

программѣ на пространствѣ всей Рязанской губерніи; въ послѣдствіи такого сплошнаго обслѣдованія не повторялось, поэтому мы и остановились на немъ подробнѣе, какъ на основномъ матеріалѣ, изъ котораго мы могли бы исходить во всѣхъ нашихъ сравненіяхъ и выводахъ.

Какъ на этапные пункты послѣдующей эволюціи экономическаго благосостоянія крестьянскаго населенія губерніи, необходимо указать на 1891—1892 гг. и 1897—1898 гг., памятные по исключительному, изъ ряда выходящему неурожаю хлѣбовъ.

По инициативѣ начальника губерніи послѣдствія перваго неурожая были зарегистрированы официальнымъ статистическимъ обслѣдованіемъ, произведеннымъ помощью земскихъ начальниковъ и обработаннымъ мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ въ извѣстной брошюрѣ «Выводы разработки статистическихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи крестьянъ Рязанской губерніи во вторую половину 1891 года». Мы уже не разъ указывали, что не придаемъ большого значенія выводамъ той официальной статистики, которая основывается на данныхъ волостныхъ правленій. Но въ распоряженіи нашемъ не имѣется болѣе точнаго матеріала; къ тому же выводы эти цѣнны и любопытны въ томъ отношеніи, что ихъ нельзя уже упрекнуть въ тенденціозности, въ предвзятости основныхъ положеній. А положенія эти слѣдующія: переписью этой зарегистрировано по губерніи 261,412 домохозяйства (по переписи 1887 года было 257,341), приростъ (1,5%); изъ того числа: безземельныхъ и безхозяйныхъ дворовъ 17,571 (было 15,544): приростъ 15%.

Дворовъ, не имѣющихъ ни лошади, ни коровы . .	66,928 (25,6%)
» безлошадныхъ	101,046 (38,7%)

Дворовъ съ одной лошадыю—33,2%, дворовъ съ 2 лошадыми, но безъ коровъ—1,4%; наконецъ, дворовъ, имѣющихъ скота не менѣе, какъ по 2 лошади и 1 корову—26,7%.

«Отсюда мы видимъ,—значится въ изслѣдованіи,—что только 26,7% всего населенія, или съ небольшимъ четвертая часть, обезпечена рабочимъ скотомъ въ достаточной степени и можетъ считаться правоспособною въ смыслѣ возможности правильно вести хозяйство».

Переписью 1891 г. установлено, что на каждаго домохозяина въ среднемъ по губерніи приходится 6,7 ѣдоковъ. Но по отдѣльнымъ группамъ населенія число ѣдоковъ, приходящихся на домохозяина, различно. Если разбить все населеніе на 5 группъ по указанному распредѣленію скота между дворами, какъ наглядный показатель ихъ благосостоянія, то окажется, что «съ увеличеніемъ степени благосостоянія увеличивается и число душъ, приходящихся на семью: въ 1-й группѣ ѣдоковъ приходится 4,4 на домохозяйство, во 2-й—5,3, въ 3-й—6,5, въ 4-й—7,9, въ остальной болѣе состоятельной части населенія на домохозяйство приходится 9 ѣдоковъ».

Сопоставляя абсолютное число скота по переписи 1891 года съ переписью 1887 года, изслѣдованіе отмѣчаетъ убыль лошадей (—2,652) и осо-

бенно убыль мелкаго скота (—936,688); но зато отмѣчается приростъ коровъ (+16,705 головъ).

Если мы выдѣлимъ 7 южныхъ чисто земледѣльческихъ уѣздовъ, то картина убыли скота станетъ еще рельефнѣе: по этимъ уѣздамъ убыло лошадей 5,920 головъ или 3,3%; коровъ прибыло 4,321 голова или 3,8%; но особенно поразительна убыль мелкаго скота—582,483 головы, что составитъ почти 54%. Народонаселенія въ этотъ періодъ прибыло 15%.

Въ изслѣдованіи высчитано далѣе, что принимая среднимъ числомъ стоимость лошади въ 20 рублей, коровы въ 15 рублей и мелкаго скота въ 2 рубля за голову, убыль скота въ губерніи оцѣнивается *болѣе чѣмъ въ полтора милліона рублей*, причемъ наиболѣе крупныя цифры потерь необходимо отнести на счетъ южныхъ уѣздовъ: Сапожковского—316 тыс. рублей, Ряжскаго—238½ тыс. рублей, Скопинскаго—205 тыс. рублей, Пронскаго—191 тыс. рублей.

«Хотя абсолютное количество крупнаго скота,—говорится въ изслѣдованіи,—въ среднемъ по губерніи не только не уменьшилось, а даже увеличилось, но это увеличеніе не служитъ доказательствомъ благосостоянія населенія, такъ какъ возвышеніе процента безлошадныхъ и однолошадныхъ дворовъ показываетъ, что увеличеніе крупнаго скота произошло въ наиболѣе состоятельномъ меньшинствѣ крестьянскаго населенія въ ущербъ большинству. Замѣчается какъ бы перемѣщеніе въ подворномъ распредѣленіи скота и сосредоточеніе его въ рукахъ состоятельной части населенія».

Изъ дальнѣйшихъ расчетовъ изслѣдованія остановимся въ нѣсколькихъ словахъ на любопытной презумпціи, какая сумма денегъ необходима населенію, чтобы достигнуть положенія *нормальнаго* крестьянскаго хозяйства, владѣющаго парой лошадей и одной коровой. «Для такого скромнаго благосостоянія потребовалось бы на губернію 6 милліоновъ рублей слишкомъ, или по 500 тысячъ на уѣздъ». Между тѣмъ подобное обезпеченіе крестьянскаго двора скотомъ, какъ выяснило то же изслѣдованіе, немедленно отражается и на размѣрахъ запашки: «въ группѣ домохозяевъ, не имѣющихъ ни лошади, ни коровы, засѣвается лишь 40,7% находящейся въ ихъ пользованіи земли, въ слѣдующей группѣ безлошадныхъ засѣвается 46,4%; въ группѣ однолошадныхъ дворовъ—47,3 и, наконецъ, въ группѣ домохозяевъ съ 2 лошадьми, но безъ коровъ, процентъ засѣваемой земли достигаетъ цифры 61,2. Во всѣхъ четырехъ группахъ объединившей части населенія засѣвается 46,4%, тогда какъ въ остальной части населенія съ достаточнымъ количествомъ скота, засѣвается земли 57,7%. Разница болѣе чѣмъ на 10%. Въ 4-хъ группахъ населенія находится въ пользованіи свыше милліона десятинъ земли (1.020,980); 10% означеннаго количества земли, стало быть *болѣе 100,000 десятинъ*, *остается незасѣваемыми* по неимѣнію скота и пропадаетъ для населенія совершенно непроизводительно».

Самая цѣль изслѣдованія, которое мы цитируемъ, главнѣйшимъ образомъ

зомъ клонилась къ выясненію продовольственной потребности населенія, къ опредѣленію размѣра ссуды изъ продовольственныхъ капиталовъ. По подсчетамъ уѣздныхъ земствъ для продовольствія крестьянскаго населенія необходима была сумма, превышающая 6 милліоновъ рублей; по учету губернскаго земства, принимая въ расчетъ и обѣмненіе яровыхъ полей, потребовалось бы $6\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей. Мѣстная администрація, предпринявъ свое изслѣдованіе, опредѣлила потребность населенія въ 5.849,000 рублей.

«Несмотря на сходство этихъ цифръ съ земскими,—говорится въ изслѣдованіи—онѣ не могутъ считаться точными, ибо являются результатомъ подсчета поволостныхъ итоговъ, касающихся всего населенія безъ различія обѣднѣвшихъ дворовъ отъ болѣе или менѣе обеспеченныхъ. Дабы устранить эту неточность въ выводахъ при разработкѣ матеріала, все населеніе было распределено по группамъ сообразно его обеспеченности (скотомъ).

Что же оказалось въ окончательномъ подсчетѣ? Оказалось по вычисленіямъ изслѣдованія, что для первой группы дворовъ безъ лошади и коровы необходимо продовольствія на 1,534 тыс. рублей; для 2-й группы (безлошадные)—995 тыс. рублей; для 3-й группы (съ 1 лошадыю)—4,408 тыс. рублей и для 4-й группы (съ 2 лошадыми, но безъ коровы)—289 тыс. рублей. Всего 7 милліоновъ слишкомъ.

Вотъ къ какимъ выводамъ пришло офиціальное административное обслѣдованіе экономическаго положенія крестьянскаго населенія тотчасъ послѣ неурожая 1891 г. Выводы эти не лишены весьма и весьма большой внушительности.

А. Еропкинь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

съ семьи, хотя «въ большинствѣ случаевъ была значительно ниже этой цифры»; но въ послѣдствіи ивановскимъ крестьянамъ приходилось вторично выкупать свои дома. Всего въ селѣ Ивановѣ до уничтоженія крѣпостного права выкупилось на волю болѣе 50 семействъ. «Выкупную сумму въ Ивановѣ,—говоритъ г. Гарелинъ,—можно смѣло положить въ миллионъ рублей, не менѣе, такъ какъ выкупъ возможенъ былъ для самыхъ богатыхъ, и многіе послѣ этого выкупа захудали» *). Нѣкоторые крѣпостные гр. Шереметева въ слободѣ Алексѣевкѣ, Бирюченскаго уѣзда, Воронежской губ., выкупились на свободу за 80—100 тыс. руб. **). Н. И. Тургеневъ утверждаетъ, что былъ даже случай выкупа на свободу одного фабриканта шляпъ, крѣпостного гр. Шереметева, за 800,000 р. ***), что и при счетѣ на ассигнаціи составляетъ все же громадную сумму. Заблоцкій-Десятовскій въ своей извѣстной запискѣ «О крѣпостномъ состояніи въ Россіи» (1841 г.), говоритъ: «Изъ числа оброчныхъ крестьянъ въ иныхъ мѣстахъ, наприм., въ Ярославской и Нижегородской губерніяхъ, есть очень богатые. Въ нѣсколько лѣтъ трудовъ и счастія они составляютъ себѣ значительные капиталы. Въ такомъ случаѣ приходятъ они къ помѣщикамъ и просятъ откупиться. Нѣкоторые не отпускаютъ вовсе, тщеславясь тѣмъ, что имѣютъ крестьянъ-капиталистовъ, какъ, наприм., князь Г—ій (Грузинскій), а иногда изъ выгодъ, чтобы богатые крестьяне выносили на плечахъ недоимки своихъ собратій. На этомъ основаніи и гр. Ш—въ ****) остановилъ отпускъ крестьянъ на волю» †). Мы только что видѣли, что много выкупившихся было въ селѣ Ивановѣ. «Благодаря этому выходу на свободу,—говоритъ г. Гарелинъ,—положеніе крестьянъ, оставшихся въ крѣпостномъ состояніи, сдѣлалось очень тяжелымъ: оброкъ, который платили крестьяне, нисколько не былъ уменьшенъ, такъ что приходилось платить и тѣ деньги, которыя вносились прежде выкупившимися... Въ этомъ случаѣ много помогало то обстоятельство, что богатые фабриканты платили за бѣднѣйшихъ изъ крестьянъ» ††).

В. Семевскій.

*) *Русскій Архивъ* 1898 г., т. II, стр. 183, 189, 194, 196, 197; срв. *Гарелинъ*: „Городъ Иваново-Вознесенскъ“, 1885 г., т. I, стр. 114, 129, 166, 210, т. II, стр. 5, 7—12.

**) *Haxthausen*: „Studien“, II, p. 72.

***) „*La Russie et les Russes*“, t. II, p. 90—91.

****) Изъ рукописи этой записки, хранящейся въ арх. мин. гос. имуществъ, видно, что это гр. Шереметевъ.

†) *Заблоцкій-Десятовскій*: „Гр. Киселевъ и его время“, т. IV, стр. 289.

††) *Городъ Иваново-Вознесенскъ*, т. I, стр. 210.

Объ упадкѣ земледѣлія и его нуждахъ *).

III.

Переходимъ къ ближайшему для насъ этапному пункту, неурожаямъ 1897—98 гг. Богатый матеріалъ по характеристикѣ экономическаго положенія крестьянскаго населенія и результатовъ этихъ злосчастныхъ годовъ можно найти въ докладахъ предсѣдателя рязанской губернской земской управы князя Н. С. Волконскаго губернскому собранію за указанный періодъ времени. Къ сожалѣнію, размѣры настоящей статьи не позволяютъ намъ въ достаточной мѣрѣ использовать этотъ любопытный матеріалъ и намъ придется остановиться лишь на самыхъ крупныхъ экономическихъ явленіяхъ, отмѣченныхъ и разработанныхъ въ тѣхъ докладахъ.

Общій расходъ на оказаніе помощи какъ по продовольствію, такъ и по обсемененію полей въ продовольственную компанію 1897—1898 гг. при переводѣ выданнаго хлѣба на деньги выразился въ цифрѣ 2,390 тыс. рублей, изъ которыхъ на губернской продовольственный капиталъ относится лишь 152 тыс. рублей; остальная потребность удовлетворена изъ средствъ частныхъ продовольственныхъ капиталовъ.

По мнѣнію губернской управы: «минувшій годъ (1897-й) былъ несомнѣнно однимъ изъ самыхъ неурожайныхъ, которые Рязанской губерніи приходилось переживать съ тѣхъ поръ, какъ въ ней введены земскія учрежденія.

«Если основываться на данныхъ, ежегодно сообщаемыхъ земствамъ черезъ волостныя правленія и служащихъ матеріаломъ для Всеподданныйшихъ отчетовъ, то надо признать, что съ самаго начала 80-хъ годовъ, времени, когда упомянутыя свѣдѣнія стали собираться, губернія въ полномъ составѣ такого недорода не испытывала, за исключеніемъ 1891 г. Недородъ опредѣлялся на деньги въ 13 милліоновъ рублей. Ближайшій по размѣрамъ недородъ, пережитый губерніей за тотъ же промежутокъ времени, былъ недородъ 1892 года, опредѣленный по такому же подсчету въ 11 милліоновъ рублей. По тѣмъ же даннымъ недородъ 1891 года только

*) *Русская Мысль*, кн. VI, 1902 г.

по 11 уѣздамъ губерніи (за исключеніемъ Раненбургскаго, одного изъ наиболѣе пострадавшихъ въ то время, по которому свѣдѣнія были доставлены по другой программѣ)—въ 24 милліона рублей. Хотя въ частности были цѣлыя мѣстности, испытавшія въ 1897 году худшій урожай, чѣмъ въ 1891 году: такими надо считать значительныя части Михайловскаго и Зарайскаго уѣздовъ».

Далѣе въ докладѣ приводятся подробныя свѣдѣнія о продовольственныхъ средствахъ, имѣвшихся въ распоряженіи населенія и земства на подкрѣпленіе продовольственныхъ и сѣмянныхъ нуждъ губерніи и констатируется, что «борьба съ послѣдствіями прошлогодняго неурожая естественно должна была быть легче, чѣмъ въ 1891—1892 году и идти болѣе ровнымъ обычнымъ теченіемъ: точно также какъ и выданные въ этомъ году 2 милліона должны были по своему значенію для населенія стоить тѣхъ 5-ти слишкомъ милліоновъ, которые были израсходованы на продовольственные надобности въ 1891 году».

Очень силенъ былъ въ минувшемъ году недостатокъ кормовъ; въ этомъ отношеніи 1897 годъ для большинства губерніи стоитъ 1891 года: *скота въ этомъ году убавилось очень много* (курсивъ нашъ). Но что можно сдѣлать противъ такого недостатка? Нельзя же говорить въ самомъ дѣлѣ серьезно о ссудахъ на поддержаніе скота или, пожалуй, объ устройствѣ скотскихъ столовыхъ, какъ о мѣрѣ, которая можетъ быть доступна массѣ нашего населенія».

Не будемъ останавливаться на весьма интересномъ матеріалѣ, приводимомъ княземъ Волконскимъ въ докладѣ о сравнительномъ сокращеніи браковъ въ неурожайные 1897 и 1891 годы, причемъ по губерніи сокращеніе это въ 1897 году относительно средней 4 послѣднихъ лѣтъ выразилось въ 15,9%. Пропускаемъ описаніе отдѣльныхъ пострадавшихъ мѣстностей и переходимъ прямо къ слѣдующему году.

Въ 1898 году губернію вновь постигъ недородъ. Губернская земская управа вновь докладываетъ собранію, что съ конца 70-хъ годовъ недородъ 1898 года уступаетъ только недороду голоднаго 1891 и 1897 гг. Особенностью этого года въ отличіе отъ другихъ неурожаяевъ, по свѣдѣнію губернской управы, было то, что неурожай яровыхъ, особенно овса, былъ гораздо сильнѣе и постигъ гораздо большую площадь губерніи, чѣмъ неурожай ржи. А такъ какъ при этомъ и цѣны на рожь сложились на рынкѣ не особенно высокія (60 — 65 коп. пудъ), то этимъ и опредѣлился характеръ борьбы, которую пришлось вести земству съ послѣдствіями прошлогодняго неурожая. Она велась въ большей части губерніи отрывочно, случайными мѣрами, направленными къ облегченію участи отдѣльныхъ мѣстностей въ строгомъ соображеніи съ частными продовольственными средствами самого пострадавшаго населенія прежде всего и стала общимъ дѣломъ всей губерніи лишь въ заботахъ о добычѣ сѣмянъ на обсеменение ярового поля. И тѣмъ не менѣе положеніе отдѣльныхъ мѣстностей было въ этомъ году всетаки ужасно. Уже истощенныя неурожаемъ

1897 года, эти отдѣльныя мѣстности должны были встрѣтиться въ нынѣшнемъ году съ послѣдствіями *дѣйствительнаго* недорода и хлѣба, и кормовъ (см. докладъ управы 35 очередному собранію о народномъ продовольствіи, стр. 2).

Всего въ эту кампанію израсходовано на удовлетвореніе продовольственной и сѣмянной нужды губерніи при переводѣ магазиннаго хлѣба на деньги 802,214 рублей, причемъ большая половина этихъ средствъ позаимствована изъ губернскаго и имперскаго продовольственныхъ капиталовъ.

Итакъ, свыше 8 милліоновъ рублей продовольственныхъ ссудъ въ теченіе 8 лѣтъ. И всѣ эти ссуды новымъ бременемъ легли на истощенное цѣлымъ рядомъ неурожаевъ земледѣльческое населеніе губерніи.

Мы уже указывали, что сплошнаго подворнаго обслѣдованія губерніи со времени 1887 года не производилось; но въ отдѣльныхъ уѣздахъ и районахъ производились частичныя изслѣдованія, на основаніи которыхъ мы и постараемся составить картину экономическаго положенія населенія въ ближайшіе къ намъ годы.

На первомъ мѣстѣ по справедливости необходимо поставить подворное описаніе 5 волостей Михайловскаго уѣзда, произведенное земскимъ окѣночнымъ отрядомъ въ неурожайный 1898 годъ, особенно поразившій именно этотъ районъ, и разработанное княземъ Н. С. Волконскимъ.

Всего зарегистрировано было 4,532 двора. Мы не станемъ утомлять читателей изобиліемъ цифръ; изъ всего сборника мы выберемъ самыя выпуклыя явленія общественной экономической жизни, не расплываясь въ частностяхъ и деталяхъ. Что особенно обращаетъ вниманіе, это—остановившійся приростъ населенія сравнительно съ переписью 1885 г.; вмѣсто 1,3% прироста прежнихъ лѣтъ, теперь отмѣчается лишь 0,73% въ годъ; по отдѣльнымъ обществамъ цифры прироста очень разнообразны; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, напримѣръ, Плахинской волости, замѣчается даже убыль населенія. При этомъ процентъ населенія рабочаго возраста убавился почти во всѣхъ обществахъ и особенно въ обществахъ помѣщичьихъ крестьянъ въ той же Плахинской волости.

«Подобное вліяніе могла бы оказать война,—говоритъ князь Волконскій,—вырывающая часть населенія въ лучшемъ рабочемъ возрастѣ подъ ружье... Намъ кажется, что подобно настоящей арміи и промышленная армія можетъ вліять на населеніе нашихъ селъ и деревень такимъ же образомъ. И она вербуетъ своихъ солдатъ среди населенія рабочаго возраста мужского и женскаго, отрывая ихъ отъ сельскихъ домашнихъ занятій». Число дворовъ въ разсмотрѣнныхъ селеніяхъ возрасло съ 1885 года въ еще меньшей степени, всего на 1,5% за все время, причемъ у государственныхъ крестьянъ приростъ былъ гораздо значительнѣе—4,5%, тогда какъ у бывшихъ помѣщичьихъ не только не было никакого прироста, но даже послѣдовало сокращеніе числа дворовъ на 3,7%. «Явленіе это, вполне согласное съ измѣненіемъ, происшедшимъ въ возрастномъ составѣ населенія, совершенно противорѣчитъ тому, что мы до сихъ поръ

думали. Мы привыкли считать, что крестьяне послѣ отмѣны крѣпостного права дробили крупныя семьи вслѣдствіе частныхъ семейныхъ раздѣловъ и склонны были видѣть въ этомъ одну изъ главныхъ причинъ крестьянскаго обѣднѣнія. Изданное въ 70-хъ годахъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ извѣстное изслѣдованіе «Статистика поземельной собственности», даже прямо удостовѣрило размѣръ происшедшаго отъ того сокращенія численнаго состава двора, опредѣленнаго въ среднемъ выводѣ для центрально-черноземныхъ губерній именно, если не ошибаемся, въ 6 чело-вѣкъ на дворъ. И такой результатъ тогда всѣхъ удивилъ. Ожидали большаго сокращенія. Произведенное теперь изслѣдованіе несомнѣнно доказы-ваетъ, что въ настоящее время указаннаго явленія больше нѣтъ въ этой части Рязанской губерніи». Въ изслѣдованіи указано, что и въ 1885 году численный составъ двора въ средней семьѣ у государственныхъ крестьянъ былъ 6,3 и у помѣщичьихъ 6,5; по отдѣльнымъ волостямъ колебанія еще большія.

«Всѣ эти подробности,—продолжаетъ князь Волконскій,—указываютъ на характеръ происходящаго явленія. Причина его не имѣетъ ничего общаго съ увеличеніемъ работоспособности семьи: люди скучиваются по нуждѣ, въ силу уменьшенія количества лицъ рабочаго возраста, изъ которыхъ одни выбыли вовсе, другія на заработкахъ, въ силу того, что не на что завести отдѣльное хозяйство. При такомъ увеличеніи числа душъ хозяйственная мощь двора не возрасла, а стали только тѣснѣе жить. Если же принять во вниманіе, что и избы стали теперь меньше и тѣснѣе прежнихъ, то придется заключить, что жить стало много тѣснѣе».

Въ изслѣдованіи моемъ о надѣлахъ Рязскаго уѣзда мною было обра-щено вниманіе на то же явленіе скученности и постоянства величины крестьянской семьи. На первый взглядъ казалось бы, писалъ я тогда, что земельный достатокъ населенія вызоветъ усиленные семейные раздѣлы. Цифры доказываютъ однако, что вообще колебанія между составомъ дво-ровъ незначительны, тяготя къ среднимъ цифрамъ 6,6—7,5; замѣчается даже, что по группамъ сельскихъ обществъ, наиболѣе обезпеченнымъ зем-лею, какова, напримѣръ, группа государственныхъ крестьянъ съ наличной разверсткой земли, гдѣ на каждую ревизскую душу приходится 7,9 дес. и на каждую наличную душу—2 десят. надѣла, и по группамъ наименѣе обезпеченнымъ, каковы: помѣщичьи крестьяне съ наличной разверсткой и тѣ же крестьяне съ ревизской разверсткой земли, гдѣ надѣла приходится на ревизскую душу въ среднемъ лишь 2 десятины слишкомъ и на налич-ную душу лишь 0,7 десятины,—численный составъ дворовъ является со-впадающимъ.

Въ то же время мы отмѣчали весьма любопытное явленіе: это—тяго-тѣніе къ среднимъ величинамъ численнаго состава крестьянскаго двора, не только среди однородныхъ по способамъ землепользованія группъ сель-скихъ обществъ, каковыми, конечно, необходимо признать общества, со-стоящія при общинномъ владѣніи землей съ той или иной разверсткой по-

слѣдней, но и среди другихъ селеній, находящихся въ совершенно иныхъ экономическихъ условіяхъ. Такъ средній численный составъ двора обществъ, состоящихъ на дарственномъ надѣлѣ, равенъ 6,7 душъ; составъ двора въ обществахъ, владѣющихъ землей подворно, выражается въ цифрѣ 7,6 д., общества, выкупившія свой надѣлъ, въ среднемъ составляютъ численность каждаго двора въ 6,6 душъ; наконецъ, по обществу крестьянъ деревни Какуй, Ухоловской волости, владѣющихъ одной усадебной землей въ размѣрѣ 4,5 десятины на всѣ 23 двора и не имѣющихъ никакого иного надѣла, численный составъ двора равенъ 7,6 наличныхъ душъ.

По имущественной состоятельности и по обеспеченности землей общества эти находятся въ слишкомъ неравныхъ условіяхъ: по обществамъ, выкупившимъ надѣлъ, на каждую наличную душу приходится 1,2 десят. земли; по обществамъ, состоящимъ на дарственномъ надѣлѣ—0,3 десят. и, наконецъ, по деревнѣ Какуй всего—0,02 дес. на наличную душу. Соответственно земельной обеспеченности колеблются и цифры подворнаго распредѣленія скота и процентъ безземельно-бездомовыхъ семей (по деревнѣ Какуй 20%). И при подобномъ неравномѣрномъ распредѣленіи имущественнаго благосостоянія крестьянъ, мы наблюдаемъ однако почти тождественный численный составъ дворовъ, колеблющійся между цифрами—6,5—7,6 душъ.

Земли у крестьянъ обследованной княземъ Волконскимъ мѣстности числится надѣльной (кромѣ усадебной и неудобной) 21,941 десятина, причемъ у государственныхъ крестьянъ приходится 0,8 десят. на наличную душу обоего пола, у помѣщичьихъ—0,54; въ общемъ приходится на душу 0,71 десятины (луга—3,7% всей площади, остальное пашня).

Недостатокъ надѣльной земли пополняется частью купчей землей, частью арендуемой. Какъ и слѣдовало ожидать, купчей земли больше у помѣщичьихъ крестьянъ (32,4% дворовъ) нежели у государственныхъ (9,3% дв.). Всего купчей земли зарегистрировано—3.672,2 десят. противъ—2.308,5 дес. по переписи 1885 года; у бывшихъ помѣщичьихъ площадь купчей земли увеличилась почти вдвое.

У кого не хватаетъ купчей земли, тотъ прибѣгаетъ къ арендованію,—способъ менѣе выгодный, но зато по бѣльшей части болѣе доступный, чѣмъ пріобрѣтеніе земли посредствомъ покупки; цѣны, платимыя за десятину пашни, колеблются отъ 5 до 12 и 13 руб.; при краткосрочной арендѣ достигаетъ 16 и даже 21 руб. за десятину подъ одинъ посѣвъ озимаго или ярового. Всего арендуется въ данной мѣстности кромѣ надѣльныхъ участковъ 6.563,2 десятины или 23,7% всей площади крестьянской земли.

«Такимъ образомъ, площадь крестьянской земли надѣльной, увеличенная на 14,4 процента отъ пріобрѣтенія земли посредствомъ покупки, увеличивается независимо отъ того,—путемъ аренды,—на 23,7 процентовъ».

Въ изслѣдованіи приводится дальше расчетъ соответствія посѣвной площади наличнымъ силамъ земледѣльческаго населенія и числу рабочихъ лошадей. Наличнаго населенія является нѣкоторый избытокъ, чего далеко

нельзя сказать про рабочихъ лошадей. Если принять въ основаніе расчеты урожая данныя 70-хъ годовъ, собранныя губернскимъ земствомъ при оцѣнкѣ предметовъ земскаго обложенія, то получился бы урожай ржи по 16,7 мѣръ на ѣдока съ большими колебаніями по отдѣльнымъ волостямъ и обществамъ. «Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ, заключаетъ князь Волконскій, такого урожая въ настоящее время не только въ средніе годы не бываетъ, но не всегда бываетъ и въ хорошіе, то при недостаточномъ удобреніи и плохой обработкѣ на слабыхъ истощенныхъ лошадяхъ, въ дѣйствительности получается болѣею частью совсѣмъ другой результатъ. Мы не касаемся здѣсь вопроса ни о повинностяхъ, ни о другихъ расходахъ крестьянскаго хозяйства, кромѣ продовольствія.

Разсмотрѣніе данныхъ о землевладѣніи и посѣвахъ въ связи съ данными о населеніи приводитъ къ заключенію, что несмотря на усилившееся занятіе земледѣліемъ и возросшую площадь запашки, въ обследованной мѣстности въ общемъ должно было произойти извѣстное обѣдненіе крестьянъ... Разсмотрѣніе данныхъ произведеннаго обследования не оставляетъ въ томъ никакого сомнѣнія».

Исслѣдованіе отмѣчаетъ прежде всего упадокъ скотоводства; сравнительно съ переписью 1885 г. отмѣчаются слѣдующіе проценты убыли:

Лошадей. . .	14,4%	телятъ . .	34,5%
жеребятъ . .	39,8%	овецъ. . .	65,8%
коровъ. . .	9,1%	свиней . .	81,9%

Всего скота по переводѣ къ крупному (жеребятъ и телятъ 3 головы за одну; овецъ и свиней 6 головъ) убыло 34,6%. Наблюдаемое явленіе упадка рѣзче сказалось въ группѣ помѣщичьихъ крестьянъ (—39,2%), нежели у государственныхъ (—31,4%). Въ этой послѣдней группѣ отмѣчается даже нѣкоторая прибыль коровъ (+3,3%) за счетъ лошадей (—0,9%). Но какъ справедливо указываетъ авторъ изслѣдованія, это возрастаніе слѣдуетъ считать также однимъ изъ признаковъ (хотя и меньшихъ) упадка крестьянскаго хозяйства. «Заводить вмѣсто лошади корову начинаютъ семьи, отказывающіяся отъ собственнаго полевого хозяйства и переходящія къ сдачѣ части надѣльной земли въ наемъ».

На каждое домохозяйство при переводѣ скота на крупный въ среднемъ такимъ образомъ приходится въ данной мѣстности у государственныхъ крестьянъ 2,3, помѣщичьихъ—2,7; всего—2,5. Вспомнимъ при этомъ, что въ среднемъ по губерніи приходилось въ 1864 г. 4,2 крупнаго скота на дворъ и въ 1887 г.—3,5.

Интересно также отмѣтить, что процентъ безлошадныхъ дворовъ въ данной мѣстности сравнительно съ переписью 1885 г. (44,5%) поднялся до 46,8% и съ одной лошадыю съ 21,7 до 25,6 проц.; численность дворовъ съ 2 лошадыми почти безъ перемѣны и съ 3 лошадыми и болѣе понизился съ 15,1% до 9,5%. «Однолошадники, — пишетъ кн. Волконскій, — представляютъ въ хозяйственномъ отношеніи очень непрочную и ненадеж-

ную часть населенія, способную при первой невзгодѣ лишиться хозяйства вовсе. Что касается безлошадниковъ, составляющихъ еще болѣе численную группу, то это уже прямо пролетаріатъ, который самъ ни пахать, ни возить не въ состояніи. Какое собственно они могутъ вести отдѣльное хозяйство, вопросъ мудреный, который въ прежнее время, конечно, не допускалъ бы иного рѣшенія кромѣ отрицательнаго. Но при нынѣшнихъ условіяхъ хозяйства, когда все можно купить и нанять, оказывается возможнымъ и разрѣшеніе его въ положительномъ смыслѣ; по крайней мѣрѣ значительность числа дворовъ, занимающихся земледѣліемъ, увеличившаяся съ 1885 г., повидимому, ясно доказываетъ это».

Въ изслѣдованіи сгруппированы данныя объ избахъ и другихъ постройкахъ. При этомъ выясняется, что дворы съ полнымъ комплектомъ построекъ, т.-е. изба, рига, дворъ, надворныя строенія, составляютъ лишь 63,7%; въ другихъ группахъ недостаетъ тѣхъ или иныхъ построекъ; наконецъ, безъ всякихъ построекъ зарегистрировано 4,2% всѣхъ домохозяевъ; сопоставляя данныя эти съ данными о подворномъ распредѣленіи лошадей, причемъ 61,3% дворовъ съ полнымъ комплектомъ построекъ у государственныхъ крестьянъ, какъ знаемъ 51,8% безлошадныхъ и при 68,2% полныхъ дворовъ у помѣщичьихъ крестьянъ 37,4% безлошадныхъ, изслѣдователь приходитъ къ двумъ выводамъ: во-1-хъ, что разоряющійся дворъ сначала лишается лошади, а затѣмъ уже принимается за продажу построекъ и, во-2-хъ, что помѣщичьи крестьяне болѣе привержены къ земледѣлію и крѣпче удерживаютъ лошадей, нежели государственные. Эта послѣдняя мысль нѣсколько разъ повторяется и подчеркивается въ изслѣдованіи. Выводъ представляется въ высшей степени интереснымъ и по новизнѣ своей, и по социальному значенію; но на нашъ взглядъ онъ требуетъ дальнѣйшей повѣрки въ болѣе обширныхъ статистическихъ обслѣдованіяхъ.

Нельзя пройти молчаніемъ и ту часть изслѣдованія, которая трактуетъ о размѣрахъ крестьянскихъ избъ. Выводы сгруппированы въ слѣдующей таблицѣ:

	% избъ 6 аршин. и менѣе.			% избъ 7—8 аршинъ.			% избъ 9—10 аршинъ.			% избъ 10 аршинъ и болѣе.		
	1885 г.	1898 г.	—	1885 г.	1898 г.	—	1885 г.	1898 г.	—	1885 г.	1898 г.	—
У государствен. крестьянъ . .	18,4	26,7	+8,3	73,6	69,3	—4,3	6,4	2,9	—3,5	1,6	1	—0,6
У бывшихъ помѣщичьихъ . .	20,1	31,2	+11,1	70,6	—61	—9,6	7,3	—4,4	—2,9	2	3	+ 1
Итого. .	19	28,3	+9,3	72,6	66,4	—6,2	6,7	3,4	—3,3	1,7	1,7	

«Изъ приведенной таблицы видно, что огромное большинство крестьянъ обслѣдованной мѣстности живетъ или въ 6-тиаршинныхъ избахъ и меньше или въ избахъ отъ 7 до 8 аршинъ въ квадратѣ. У государственныхъ крестьянъ въ такой избѣ живетъ въ среднемъ 6,7 душъ, а у помѣщичьихъ—7,2. Принявъ за средній размѣръ избы горницу 7 аршинъ въ ква-

дратѣ вмѣстимости, т.-е. безъ угловъ при высотѣ въ 3 аршина, больше чего рѣдко бываетъ въ нашихъ избахъ, получимъ для жилья пространство въ 147 кубическихъ аршинъ, изъ которыхъ надо еще исключить печь, занимающую болѣе полусаженіи. По правиламъ гигіены, говорятъ намъ, требуется для здороваго помѣщенія не менѣе 2—2½ кубич. саж. воздуха на человѣка. Слѣдовательно, въ такой избѣ можно гигіеническимъ образомъ помѣстить 2—3 человѣка не болѣе, а живетъ 7; да еще съ ними помѣщается теленокъ, куры, овцы съ ягнятами. Объ удобствахъ жилья въ подобныхъ помѣщеніяхъ говорить излишне».

Для цѣлей настоящей статьи отмѣтимъ очевидное ухудшеніе жилищныхъ условій со времени 1885 г.: 7—8-аршинныя избы въ значительной долѣ замѣнились 6-ти-аршинными. Правда, въ группѣ помѣщичьихъ крестьянъ отмѣчается увеличеніе числа 10-ти аршинныхъ избъ, но насколько? на 1%. И для какого количества обитателей? Для 3 дворовъ со ста, изъ которыхъ ⅔ продолжаютъ пользоваться 7—8-ми-аршинными избами, а одна треть ютится еще въ худшихъ помѣщеніяхъ.

При такомъ-то экономическомъ положеніи, данную мѣстность два года подрядъ постигъ полный неурожай: въ 1897 г. она еще обсѣялась собственной рожью, но яровыя сѣмена пришлось покупать (земство ссуды здѣсь почти не выдавало, хлѣбъ также начали покупать съ августа и лишь 13,8 процентовъ дворовъ обошлись безъ покупного хлѣба. Пришлось взяться за распродажу скота: болѣе половины дворовъ (52%) утратили значительную часть своего скота—15,8% лошадей и 17,5%-коровъ. «Сравнивая цифры убыли скота, происшедшей за послѣдній годъ, значитъ по этому поводу въ изслѣдованіи, съ убылью, понесенной тѣмъ же населеніемъ съ 1885 г., нельзя не придти къ заключенію, что главная разница между той и другой убылью заключается въ томъ, что въ то время какъ убыль за послѣднія 13 лѣтъ главнымъ образомъ происходила въ мелкомъ скотѣ, теперь она падаетъ на лошадей и въ особенности на коровъ; поэтому очевидно, что мелкаго скота проѣдать уже было нельзя: онъ и такъ весь перевелся... Вслѣдъ за скотомъ взяли за избы и другія постройки. Крыши нужны были для корма и на топку; строенія главнымъ образомъ—на топку».

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробнѣе останавливаться на той части изслѣдованія, гдѣ приводятся свѣдѣнія о числѣ раскрытыхъ или разрушенныхъ построекъ; скажемъ лишь, что 33,6 проц. всѣхъ построекъ было раскрыто для корма скота и 2,8 проц. построекъ разрушено для отопленія.

Въ 1898 г. неурожай вновь повторился: по даннымъ изслѣдованіямъ всего оставалось ржи отъ урожая и ссудъ, выданныхъ на обсѣменение озимаго поля по 3 мѣры на ѣдока въ среднемъ, причемъ лица въ отходѣ въ расчетъ не принимались; при среднемъ урожаѣ на ѣдока обыкновенно собиралось 16,8 мѣръ. Урожай овса оказался и еще того хуже, составляя лишь 15 проц. обычнаго средняго урожая. При всемъ томъ годъ для скота

долженъ былъ выйти еще голоднѣе, чѣмъ для людей: въ общей сложности «населеніе не могло бы (здѣсь) прокормить всего скота гуманнымъ кормомъ болѣе 1½ мѣсяцевъ».

Обслѣдованіе заканчивается этими данными. Результаты новаго неурожая 1898 г. имъ не охвачены; но ихъ легко себѣ представить изъ всего изложеннаго.

Намъ скажутъ, быть можетъ, не сгущены ли здѣсь краски? Вѣдь эти *земскія* обслѣдованія такъ ярки и такъ прямолинейны? Для тѣхъ, кому имя автора цитированнаго обслѣдованія ничего не говоритъ,—для тѣхъ мы найдемъ болѣе убѣдительный языкъ официально-административныхъ цифръ. Беремъ приложенія къ Всеподданнѣйшимъ отчетамъ рязанскаго губернатора за 1897 и 1898 гг.; здѣсь въ отдѣлѣ «земледѣліе и скотоводство» мы читаемъ, что за 1897 г. по губерніи собрано всего зерна 31 милл. пудовъ слишкомъ, *меньше* прошлогодняго на 27½ милл. пуд. и картофеля 30½ милл. пуд., *меньше* прошлаго года на 8½ милл.; въ частности рожь прошла самъ 3,1, овесъ самъ 2, колеблясь по отдѣльнымъ уѣздамъ отъ самъ 1,3 (Пронскъ, Зарайскъ, Егорьевскъ) до 2,7 по Данковскому.

Сравнительно съ 1896 г. число головъ скота *значительно* уменьшилось, а именно: лошадей на 19,027 головъ (7 проц.), рогатаго—на 28,638 головъ (10 проц.), овецъ—на 103,524 головъ (14 проц.), свиней—на 26,050 головъ (20 проц.).

Въ 1898 г. урожай зерна по губерніи нѣсколько выше: 39½ милл. пудовъ, но картофеля еще меньше прошлогодняго на 6½ милл. пудовъ. Урожай ржи выразился въ самъ 4,7, овесъ—самъ 1,9, картофель—самъ 3,2.

Число головъ скота продолжаетъ уменьшаться: за 1899 г. уменьшилось лошадей на 5,270 головъ (2%), коровъ на—4,261 (1,5%), овецъ на—26,524 (4%), свиней на—19,317 (16%).

Если по всей губерніи получились такія неутѣшительныя цифры, то что же сказать объ отдѣльныхъ особенно пострадавшихъ районахъ, каковыми и являлись тѣ 5 волостей Михайловскаго уѣзда, обслѣдованныхъ кн. Волконскимъ, о которыхъ мы только что говорили?

Нужны ли еще какія-нибудь доказательства упадка крестьянскаго хозяйства? Мы могли бы остановиться на вопросахъ недоимочности крестьянскаго населенія; предъ нами вѣдомость о движеніи выкупныхъ платежей по губерніи за 17-лѣтній періодъ по 1899 годъ. Но что новаго скажутъ намъ и прибавятъ эти цифры? Картина положенія крестьянскаго хозяйства ясна и опредѣленна. Не достаточно ли цифръ?

Мы говорили уже, что однимъ изъ самыхъ выдающихся земскихъ обслѣдованій Рязанской губерніи является работа извѣстнаго статистика В. Григорьева въ 1881—1882 гг., къ сожалѣнію, прерванная на 4 уѣздахъ. Такимъ образомъ при всей своей цѣнности и эрудиціи автора, работа лишена общихъ выводовъ и не можетъ представлять собою матеріала для обзора

экономическаго состоянія всей губерніи. Къ тому же работа эта составляетъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость, ибо постановленіемъ губернскаго земскаго собранія официально цензурованные, отпечатанные сборники эти должны были быть уничтожены. Дикое постановленіе къ счастью нѣсколько запоздало, и нѣкоторые розданные уже гласнымъ сборники сохранились.

Особый интересъ для настоящей цѣли представляетъ текстъ, написанный г. Григорьевымъ къ сборнику по Рязанскому уѣзду; на немъ мы и остановимся. Изъ текста этого мы позаимствуемъ данныя о положеніи *частно-владѣльческихъ имѣній*, особенно характерныя и освѣщенныя мастерской рукой.

Въ сборникѣ приведена параллель между землевладѣніемъ 1876 и 1881 гг. Приростъ и убыль землевладѣнія приведены въ слѣдующей таблицѣ:

	Число владѣльцевъ.	Земли у нихъ.	Средній размѣръ владѣнія.
До 50 десятинъ	+ 62,4%	+ 66,7%	+ 1,8%
Отъ 50 до 200 десятинъ	+ 7,4%	+ 13,3%	+ 5,3%
Отъ 200 до 1,000 десятинъ	+ 4,7%	+ 2 %	— 2,6%
Свыше 1,000 десятинъ	+ 17,4%	— 15,2%	— 27,6%
Итого	+ 50,6%	—	— 36,6%

Отсюда вытекаетъ, что, во-первыхъ, число землевладѣльцевъ увеличилось, землевладѣніе же измельчало; во-вторыхъ, измельчаніе это шло за счетъ группъ крупныхъ землевладѣльцевъ, особенно владѣющихъ свыше 1,000 десятинъ; и, въ-третьихъ, среднее и мелкое землевладѣніе значительно возросло.

Весьма интересно прослѣдить, въ какихъ сословныхъ группахъ произошли намѣченные измѣненія за тотъ же періодъ:

	Приростъ числа владѣльцевъ.	Приростъ дес. земли у нихъ.	Приростъ размѣра владѣній.
У дворянъ	— 27,9%	— 82,2%	— 0,5%
» купцовъ	+ 88,2%	+ 658,2%	+ 302,8%
» крестьянъ	+ 82,1%	+ 195,3%	+ 60 %
» мѣщанъ	+ 30 %	+ 44,7%	+ 11,2%

«Уменьшеніе землевладѣльцевъ дворянскаго сословія шло объ руку съ уменьшеніемъ числа дворянскихъ земель,—пишетъ Григорьевъ,—въ 1867 г. они были почти безраздѣльными владѣльцами всей земли личной собственности; имъ принадлежало болѣе чѣмъ $\frac{9}{10}$ ея, черезъ 15 лѣтъ имъ принадлежитъ лишь $\frac{2}{3}$, остальное перешло преимущественно въ руки купцовъ и крестьянъ».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи приростъ землевладѣнія проводится и рассматривается по вышеуказаннымъ группамъ, т.-е.:

Число владѣльцевъ.	1-я группа до 50-ти дес.		2-я группа отъ 50 до 200 дес.		3-я группа отъ 200 до 1,000 д.		4-я группа свыше 1,000 дес.	
	1867 г.	1881 г.	1867 г.	1881 г.	1867 г.	1881 г.	1867 г.	1881 г.
У крестьянъ .	82 %	91,8%	1,7%	12,4%	0	3,7%	—	—
» дворянъ . .	11,4	4,1	86,3	70,1	93,7	79	100%	66,6%
» мѣщанъ . .	2,3	1,8	4	3,7	0,8	3	—	—
» купцовъ . .	0,7	0,4	5,2	11,2	5,5	12,1	0	33,4
» разныхъ . .	3,3	1,9	2,8	2,6	0	2,2	—	—

Десятинъ земли въ группахъ:

У крестьянъ .	51 %	77,7%	1,5%	10,4%	0	3,1%	—	—
» дворянъ . .	38	13,9	87,7	69,9	93,4	78,2	100	73,2%
» мѣщанъ . .	5,5	4,1	5,1	3,4	0,4	2	—	—
» купцовъ . .	1,8	1,2	4,3	12,5	6,2	15,4	0	26,8
» разныхъ . .	3,9	3,1	1,4	3,8	0	1,3	—	—

Отсюда вытекаетъ слѣдующее заключеніе:

«*Сословію дворянъ* (въ 1881 году) принадлежитъ большая часть ($\frac{2}{3}$) частновладѣльческихъ земель уѣзда; это преобладаніе дворянскаго сословія проходитъ черезъ всѣ группы землевладѣнія кромѣ мелкаго (1—50 дес.). Но за послѣднія 15 лѣтъ замѣчается быстрый переходъ дворянскихъ земель въ руки другихъ сословій. Это ускользаніе земель изъ рукъ дворянскаго сословія замѣчается во всѣхъ группахъ; оно особенно сильно въ крупномъ и мелкомъ землевладѣніяхъ; въ среднемъ же (50 — 200 дес.) дворянское сословіе удерживается нѣсколько прочіѣе, что быть можетъ объясняется непосредственнымъ участіемъ такихъ владѣльцевъ въ веденіи хозяйства.

«*Купеческое землевладѣніе* занимаетъ по своимъ размѣрамъ второе мѣсто послѣ дворянъ, и только въ группѣ мелкаго землевладѣнія оно отступаетъ на задній планъ. Ростъ землевладѣнія купеческаго сословія громаденъ: количество земли, ему принадлежащей, возросло въ $7\frac{1}{2}$ разъ противъ 67 г., причемъ оно завладѣваетъ главнымъ образомъ крупными участками, совершенно пренебрегая мелкими и даже выпуская ихъ изъ своихъ рукъ.

«*Крестьянское землевладѣніе* личное стоитъ на третьемъ мѣстѣ; только въ группѣ мелкихъ собственниковъ оно является господствующимъ; въ числѣ же владѣльцевъ сверхъ 1,000 десятинъ нѣтъ ни одного крестьянина. Ростъ его не такой изумительно быстрый, какъ землевладѣнія купеческаго, но все же за 15 лѣтъ оно по количеству земли возросло почти втрое, а по числу членовъ на 82%. Мелкіе клочки земли, на которые съ пренебреженіемъ смотритъ купецъ, которые не удовлетворяютъ дворянина, постепенно поступаютъ въ руки крестьянина; перевѣсъ крестьянскаго сословія въ числѣ землевладѣльцевъ громаденъ: среди нихъ крестьянъ болѣе $\frac{9}{10}$ съ среднимъ размѣромъ владѣнія въ $5\frac{1}{2}$ десятинъ. Такимъ образомъ крестьяне являются дѣйствительными представителями мелкаго землевладѣнія.

«*Мѣщане* за послѣднія 15 лѣтъ, какъ сословіе землевладѣльцевъ, уси-

лилось, хотя значительно меньше купцовъ и крестьянъ. Средній размѣръ владѣнія мѣщанъ 31 десятина, т.-е. значительно выше крестьянскаго, что и понятно: подспорья въ надѣлахъ они не имѣютъ, а потребности ихъ имѣли возможность развиться выше скромныхъ потребностей крестьянина.

«Раньше было отмѣчено возрастаніе средняго и особенно мелкаго землевладѣнія безъ различія сословій; теперь мы видимъ, въ чьихъ рукахъ происходитъ это усиленное возрастаніе. Паденіе же крупнаго землевладѣнія находитъ себѣ объясненіе въ издавномъ преобладаніи здѣсь дворянскаго сословія, владѣнія котораго сокращаются повсюду».

Все это писалось еще въ 1882 г., когда не открывали еще своихъ дѣйствій ни дворянскій, ни крестьянскіе банки. Конечно, въ настоящее время картина землевладѣнія измѣнилась до неузнаваемости, особенно за послѣдніе годы, когда пониженіе процента по ссудамъ крестьянскаго банка вызвало повышеніе продажныхъ цѣнъ на землю и усиленный переходъ имѣній въ руки крестьянскаго сословія.

Къ сожалѣнію, позднѣйшихъ обследованій землевладѣнія губерніи не производилось, и послѣднія данныя по этому вопросу относятся къ 1887 г., къ земской подворной переписи. Кромѣ того, въ распоряженіи нашемъ имѣются свѣдѣнія о распредѣленіи поземельной собственности между сословіями по даннымъ рязанской казенной палаты за 1901 годъ. Тѣ общія основанія, которыя были намѣчены изслѣдованіемъ г. Григорьева, продолжали оказывать свое вліяніе и въ послѣдующіе годы и въ еще болѣе прогрессивномъ движеніи: дворянское землевладѣніе все сокращалось, крестьянское и купеческое все возрастало. Въ послѣдующемъ матеріалѣ мы не находимъ группировокъ движенія землевладѣнія по схемѣ Григорьева. Но общая картина вполнѣ выясняется изъ общихъ цифръ убыли и прироста сословнаго владѣнія по уѣздамъ и по губерніи. Такъ, по Рязанскому уѣзду, обследованному Григорьевымъ, приростъ десятинъ земли у различныхъ сословій выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	1867 г.	1881 г.	1887 г.	1901 г.
1. Дворяне	92 %	66,6%	56,4%	35%
2. Крестьяне	4,1	12,4	19,1	26
3. Купцы	2,4	18,3	22,1	39
Мѣщане	1,1	1,5	2,2	
Остальные сословія .	0,4	1,2	0,2	
	100	100	100	100

Дворянское землевладѣніе таетъ чрезвычайно быстро, возрастаетъ купеческое, усиливается крестьянское. Обыкновенно принято указывать, что дворянское землевладѣніе исчезаетъ по неспособности этого сословія вести хозяйство, что гипотечныя ссуды обременяютъ дворянскія имѣнія, нисколько не увеличивая цѣнности послѣднихъ введеніемъ болѣе интенсивной культуры, затрачиваясь зря и непроизводительно. За аргументомъ этимъ нельзя признать ни новизны, ни справедливости: современные намъ дворянскія имѣнія

или приобрѣтаются уже обремененныя гипотечнымъ долгомъ по недостатку наличнаго капитала, или переходятъ таковыми по наслѣдству. Такимъ образомъ, если даже когда-то, въ прошедшія времена, ссуды эти тратились непроизводительно, то обвинять новое молодое поколѣніе въ грѣхахъ отцовъ по меньшей мѣрѣ нелогично.

Мы всегда, какъ и теперь, ратовали за возможно большее обезпеченіе крестьянскаго населенія, этой основы русскаго государства, землей. Съ этой стороны переходъ земельныхъ владѣній отъ одного земледѣльческаго сословія къ другому не представляетъ ничего необычнаго или вреднаго съ государственной точки зрѣнія. Къ сожалѣнію, этого совсѣмъ нельзя сказать про усиленіе купческаго или мѣщанскаго владѣнія, этихъ некультурныхъ, пришлыхъ и чуждыхъ землѣ элементовъ, съ ихъ хозяйственными приемами, съ ихъ понятіями о приращеніи цѣнностей.

Но и независимо отъ какихъ-либо сословныхъ или, вѣрнѣе сказать, интеллигентно-культурныхъ тенденцій, подобная стремительность мобилизации поземельной собственности заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія съ чисто-экономической точки зрѣнія: если дворянскія имѣнія ликвидируются съ такою быстротой и не удерживаетъ ихъ отъ того ни льготный кредитъ, ни всевозможныя отсрочки недоимокъ и текущихъ платежей, ни меліоративныя ссуды, то, очевидно, самыя условія владѣльческаго хозяйства складываются настолько невыгодно для помѣщика, что онъ предпочитаетъ отказаться отъ всякихъ льготъ и отъ поддержки со стороны правительства. На сцену выступаютъ и завоевываютъ положеніе новые собственники съ новыми требованіями и взглядами на выгодность владѣнія и на доходность земельного имущества, вкладывающіе въ эксплуатацію собственности свой личный трудъ—крестьяне. По отчетамъ крестьянскаго банка видно, что за одинъ 1900 годъ крестьянскимъ банкомъ выдано ссудъ на покупку земли 53½ милліона рублей, т.-е. почти столько же, сколько до реформы 1895 года было выдано за десятилѣтній періодъ отъ 1887 до 1896 года включительно. Ростъ ссудъ годъ отъ году увеличивается прогрессивно.

За 1896 годъ было выдано ссудъ 7,2 милл. руб.

» 1897	»	»	»	»	21,2	»	»
» 1898	»	»	»	»	36,4	»	»
» 1899	»	»	»	»	44,5	»	»
» 1900	»	»	»	»	53,5	»	»

Посмотримъ же, какъ экономически обставлены эти новые собственники, насколько выгодны для нихъ эти форсированныя покупки земель, оказавшихся невыгодными и ненужными для дворянскаго сословія, обставленнаго столь льготнымъ кредитомъ?

Изъ того же отчета мы видимъ, что по Рязанской губерніи съ 1883 г. при посредствѣ крестьянскаго банка куплено крестьянами земли всего 81,425 десятинъ *); средняя покупная цѣна земель, приобрѣтаемыхъ при

*) При переписи 1881—87 г. у крестьянъ значилось 166 тыс. десятинъ.

посредствѣ крестьянскаго банка по Рязанской губерніи, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ съ 1895—1900 г., послѣдовательно: 95 руб., 100 руб., 121 руб., 110 руб., 117 руб., 104 руб. десятина.

Мы уже указывали, что мы вовсе не считаемъ возможнымъ строить какіе-либо выводы о повышеніи или пониженіи цѣнъ на землю на основаніи среднихъ покупныхъ цѣнъ крестьянскаго банка, такъ какъ полагаемъ, что среднія эти колеблются отъ случайнаго преобладанія покупокъ въ той или другой мѣстности губерніи, съ болѣе или менѣе цѣнной землей. Но чтобы не осложнять расчетовъ, возьмемъ цѣну позднѣйшихъ покупокъ, т.-е. въ 104 руб. за десятину. Предположимъ для единства расчета, что вся доплата къ ссудѣ крестьянскаго банка обходится покупщикамъ изъ тѣхъ же 6 процентовъ, какъ по ссудамъ дальнѣйшаго срока. Такимъ образомъ на каждыя 3 десятины (три поля) купленной при помощи крестьянскаго банка земли упадетъ 18 руб. 72 коп. ежегодныхъ процентовъ по затраченному на покупку капиталу. Прибавляя сюда въ среднемъ около 50 коп. поземельныхъ сборовъ, получаемъ 19 руб. 25 коп. обязательныхъ платежей; стоимость обработки круга и положимъ въ среднемъ 10 руб.; изъ сборника Селиванова мы знаемъ, что въ среднемъ по губерніи десятина приноситъ 3,6 четв. ржи и 5,6 четв. овса (безъ сѣмянъ); слѣдовательно, выгодность или невыгодность этого новаго землевладѣнія будетъ исключительно зависѣть отъ той или иной высоты хлѣбныхъ цѣнъ. Если, напримѣръ, мы примемъ высокую для послѣднихъ лѣтъ цѣну пуда ржи и овса по 40 коп., то получимъ валовой доходъ съ трехъ десятинъ 26 руб. 40 коп., т.-е. около трехъ рублей дефицита. Мы приводимъ идеальный средній расчетъ среднихъ величинъ по губерніи, который съ дѣйствительнымъ расчетомъ и съ дѣйствительными цѣнами, конечно, не совпадаетъ. Начать хотя бы съ того, что самая цѣнность десятины земли, средняя по губерніи, совершенно не совпадаетъ съ средними по уѣздамъ. Изъ того же отчета крестьянскаго банка за 1900 годъ мы видимъ, напримѣръ (стр. 11, таблица о ссудахъ), что средняя покупная стоимость десятины земли по Раненбургскому уѣзду равна 136 руб., по Ряжскому 125 руб., по Скопинскому 120 р. и т. д. Въ дѣйствительности и эти оцѣнки представляются отвлеченными величинами, ибо каждая конкретная покупная цѣна будетъ зависѣть еще и отъ качества почвы того или иного района уѣзда, и отъ населенности его и отъ размѣровъ земельной обеспеченности и проч.

Поэтому, чтобы составить себѣ совершенно точное и правильное понятіе о доходности земельныхъ владѣній, приобрѣтенныхъ при помощи крестьянскаго банка, необходимо было бы произвести подворное обслѣдованіе губерніи или иного какого района и только изъ этихъ конкретныхъ величинъ возможно было бы сдѣлать какіе-либо выводы по губерніи; иначе мы всегда рискуемъ витать въ области отвлеченныхъ понятій и величинъ.

Такого подворнаго обслѣдованія однако не производилось ни въ Рязанской, ни въ другихъ губерніяхъ. Тѣмъ не менѣе при близкомъ знакомствѣ съ мѣстными условіями хозяйственной жизни возможно весьма

близко подойти къ дѣйствительному экономическому положенію того или иного поземельнаго владѣнія. Намъ, напримѣръ, въ качествѣ мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ доподлинно извѣстно, что въ Скопинскомъ и Рязскомъ уѣздахъ въ настоящее время лучшую черноземную землю нельзя приобрести дешевле 150 рублей за десятину.

Для наглядности возьмемъ какое-либо среднее по размѣрамъ имѣніе въ этой хорошо извѣстной нами мѣстности,—скажемъ въ 300—400 дес. Прежде всего въ каждомъ такомъ имѣніи необходимо сбросить до 10% земли, не приносящей никакого дохода и состоящей подъ усадьбой, выгонами, оврагами и проч. Въ имѣніи—традиціонное трехполье (иначе оно и не могло бы служить для насъ типичнымъ для нашихъ расчетовъ); подсчитаемъ доходность *полевого* хозяйства въ такомъ имѣніи. При среднемъ урожаѣ безъ сѣмянъ 7 четвертей ржи и 7 четвертей овса (рожь 10 коп. по 6 мѣръ и овесъ 6 коп. по 12 мѣръ) и при среднихъ цѣнахъ 40 коп. пудъ зерна, валовая цѣнность полученнаго съ «круга» зерна равна 42 рублямъ *). Скинемъ отсюда прежде всего 10% на неудобную землю, никакого дохода хозяину не приносящую; затѣмъ стоимость обработки земли и зерна; содержание служебнаго персонала. Для наглядности расчета предположимъ, что вся земля обрабатывается при помощи «круговъ»; въ дѣйствительности это, конечно, рѣдко случается; значительная доля земли въ имѣніяхъ непременно обрабатывается или батраческимъ, или сдѣльнымъ трудомъ, что обходится хозяину дороже круговой обработки; вмѣстѣ съ объединеніемъ крестьянской массы, вмѣстѣ съ возрастаніемъ процента безлошадныхъ и безинвентарныхъ хозяйствъ постепенно вытѣсняется круговая обработка владѣльческихъ полей. Итакъ, обработка 3 десятинъ стоитъ:

10-типроцентная скидка на неудобье	4 р. 20 к.
Круговая обработка (вспахать, посѣять, убрать, свозить хлѣбъ овесъ и рожь, навозъ)	12 » — »
Молотьба и вѣйка (20 к. четверть ржи и 15 к. овса)	2 » 90 »
Подвозъ хлѣба на рынокъ (10—15 верстъ 14 четверт.)	2 » 80 »
Староста и объѣздчикъ	1 » 50 »
Страхование хлѣба на 4 мѣсяца	1 » 50 »
Повинности (по 50—60 к. съ дес.)	1 » 50 »
Страхование построекъ (1½ повинностей)	— » 75 »
Всего	27 р. 15 к.

Чистый доходъ трехъ десятинъ, стоящихъ 450 руб., равняется такимъ образомъ 15 руб., т.-е. 3,3%—таковъ финансовый итогъ полевого хозяйства **). Не будемъ затемнять его дальнѣйшими подробностями о по-

*) „Въ обзорѣ работъ Рязанскаго губернскаго земства“, стр. 79. Нормальный доходъ десятины ржи въ этой мѣстности показанъ 23 руб. 16 коп., овса 18 руб. 16 коп.

**) Арендныя цѣны на землю въ этой мѣстности около 6—7 руб. десятина, но хорошій хозяинъ избѣгаетъ такой аренды какъ чумы, боясь истощить свои поля и изгадить свои постройки.

бочныхъ доходахъ съ садовъ и огородовъ, съ скотнаго двора, съ отбросовъ и проч., во-1-хъ, потому, что доходы эти въ большинствѣ случаевъ весьма проблематичны и далеко не типичны для черноземной полосы Россіи, занимающейся по преимуществу полевымъ хозяйствомъ, и во-2-хъ, потому, что съ доходами этими попутно растутъ и побочные расходы. Къ тому же нами не принято никакой платы за трудъ предпринимателя, никакихъ расходовъ по ремонту построекъ и процентовъ по оборотному капиталу (инвентарь, скоть, сѣмена).

Пока имѣніе свободно отъ гипотечнаго кредита, владѣлецъ можетъ существовать, если любить свое хозяйство, свое занятіе и не гонится за высокой рентой на свой капиталъ. Но гипотечный кредитъ готовитъ ему прямую гибель даже при всѣхъ льготахъ дворянскаго банка: при ссудѣ въ размѣрѣ 50 процентовъ стоимости имѣнія (75 руб. на десятину) и при 5 процентахъ роста, чистый доходъ имѣнія понижается съ 3,3 процента до 1,6 процента. Залогъ въ частныхъ земельныхъ банкахъ при $5\frac{1}{2}\%$ роста еще того хуже, понижая чистый доходъ до 1 процента.

Не говоримъ уже про неурожай, подобно 1891 или 1897 гг., даже самый малѣйшій недородъ немедленно влечетъ землевладѣльца все къ новому и новому кредиту, все туже затягиваетъ на немъ мертвую петлю долгосрочныхъ ссудъ и безконечныхъ отсрочекъ.

А кредитъ крестьянскаго банка, этотъ самый дорогой гипотечный кредитъ изъ всѣхъ существующихъ, развѣ его возможно было бы вынести крестьянскому хозяйству, если бы онъ не прилагалъ при обработкѣ почвы своего личнаго *дарового труда*? Конечно, ему не нуженъ ни староста, ни объѣздчикъ, онъ не боится своего хлѣба (къ сожалѣнію), у него нѣтъ въ большинствѣ случаевъ и никакихъ построекъ на его купчей землѣ. Такимъ образомъ его чистый доходъ выше барскаго на 3 руб. 50 коп., и капиталъ приноситъ ему 4 процента. Но не забудемъ, что этотъ капиталъ чужой: 90% составляетъ ссуда крестьянскаго банка изъ 6-ти годовыхъ процентовъ; остальные 10% изъ частныхъ источниковъ—благо, если изъ тѣхъ же 6-ти процентовъ, а не дороже.

Получивъ слѣдовательно 18 руб. 75 коп. чистаго дохода съ трехъ десятинъ, мужикъ обязанъ уплатить однихъ процентовъ 27 руб. Дѣйствительно трудъ его оказывается даровымъ, ибо ту работу, за которую онъ только что наканунѣ получилъ съ барина 17 руб. 70 коп. (круга—молотьба, вѣйка, подвозъ хлѣба на рынокъ), нынче онъ совершилъ для себя за 9 руб. 55 коп., почти вдвое дешевле.

«А солома, мякина, наконецъ, его телушка на жнивѣ?»,—скажутъ мнѣ.

— Да, солома и мякина—его прямой барышъ; изъ-за нея-то онъ и втянулся въ петлю гипотечнаго кредита, каждую минуту готовую захлестнуть его убогое хозяйство, какъ она захлестнула сосѣднее помѣщичье.

III.

Меліоративный кредитъ, всевозможныя обводнительныя работы, укрѣпленіе овраговъ и песковъ, защитныя лѣсонасажденія, устройство элеваторовъ съ правительственной инспекціей и выдачей варрантовъ подъ хлѣбъ, устройство скотобоенъ и случайныхъ пунктовъ, открытіе сельско-хозяйственныхъ выставокъ, устройство бесѣдъ, чтеній и проч. — вотъ программа подъема сельскаго хозяйства въ прогрессивномъ направленіи; усиленіе дискреціонной власти земскаго начальника, уголовная репрессія по нарушеніямъ договоровъ найма на сельско-хозяйственныя работы, неотчуждаемость дворянскихъ имѣній, майораты и упованіе на милость и щедрость къ нуждамъ служилаго помѣстнаго сословія — таковы вождельнія реакціонныхъ силъ. И въ конечномъ результатѣ — всевозможныя ссуды: дворянскія, соло-вексельныя, меліоративныя, крестьянскія, продовольственныя, сѣменные, и другого наименованія, ссуды и ссуды безъ конца, цѣлый потокъ ссудъ, въ которомъ уже захлебнулось помѣстное сословіе.

Сельскій хозяинъ, обдумывая въ глуши своихъ помѣстій широкія программы заботливыхъ прожектеровъ, въ ихъ стремленіи спасти его гибнущее хозяйство, и во всѣхъ благопожеланіяхъ инстинктивно чувствуетъ что-то недосказанное; не хватаетъ въ нихъ самаго элементарнаго, самаго необходимаго лично для него въ настоящую тяжелую минуту. «Конечно, — размышляетъ онъ, — и орошеніе, и осушеніе, и элеваторы, и случайные пункты, все это хорошо, но какъ-то слишкомъ отвлеченно и слишкомъ отдаленно... Если бы теперь же окупилась моя расходъ и повинности по имѣнію, если бы хватало средствъ кормить и содержать мою семью, тогда я готовъ былъ бы трактовать вопросы о постройкѣ элеваторовъ, объ осушеніи болотъ и облѣсеніи степей».

Инстинктъ самосохраненія не обманываетъ сельскаго хозяина: его думы и размышленія совершенно правильны. Тяжелый кризисъ переживаетъ земледѣліе и сельское хозяйство въ теченіе цѣлаго десятилѣтія: послѣдовательный рядъ неурожаевъ или такихъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, которыя не окупаютъ издержекъ производства, замкнули какую-то безконечную цѣпь, которая все тѣснѣе и тѣснѣе охватываетъ и сжимаетъ оскудѣвшую русскую деревню, — и нѣтъ ей выхода изъ этого заколдованнаго круга. И помѣщикъ, и крестьянинъ въ данномъ случаѣ терпятъ одинаково печальную участь: пять неурожайныхъ лѣтъ на протяженіи одного десятилѣтія (неурожайные 1891 и 1897 гг. и недороды 1892, 1898 и 1901 гг.), поставили въ тяжелое положеніе неоплатныхъ должниковъ и недоимщиковъ передъ правительствомъ и землевладѣльца, и земледѣльца, особенно этого послѣдняго.

Съ одной стороны — прогрессивно понижающееся благосостояніе русской деревни и галлопирующая мобилизація поземельной собственности, вытѣсняющая помѣстное дворянство; съ другой — область метеорологическихъ и экономическихъ явленій, лежащихъ внѣ человѣческаго воздѣйствія и

влекущихъ земледѣліе къ окончательной гибели. А въ отдаленіи, какъ мигръ, проекты всевозможныхъ реформъ и улучшеній сельскаго хозяйства, благожелательныхъ, но безсильныхъ и палліативныхъ по существу.

Подойдемъ поближе къ разсмотрѣнію этой проблемы, вдумаемся въ положеніе вещей и посмотримъ, дѣйствительно ли положеніе это такъ безнадежно.

По принятой нами системѣ прежде всего начнемъ съ разсмотрѣнія преобладающаго въ Россіи хозяйства—крестьянскаго. По нашему глубокому убѣжденію, все экономическое благосостояніе, и государства, и отдѣльныхъ его сословій исключительно зависитъ отъ благосостоянія мужицкаго хозяйства: сытъ и одѣтъ мужикъ, сыты и одѣты всѣ прочія сословія, удовлетворены и всѣ потребности государства. Это экономическое правило представляется для насъ безспорнымъ; да оно и не можетъ быть инымъ для лицъ знакомыхъ съ экономическимъ состояніемъ и производительными силами нашей страны.

Насъ старались увѣрить, что одна изъ важнѣйшихъ основъ сельскаго хозяйства—цѣны на хлѣбъ, чужда крестьянскому хозяйству. Фикція эта, построенная на бездоказательной презумпціи существованія натурального крестьянскаго хозяйства, разсѣивается, какъ туманъ, даже при поверхностномъ анализѣ экономическаго положенія современной русской деревни. Не говоря уже объ общеизвѣстномъ фактѣ уплаты денежныхъ крестьянскихъ повинностей изъ продажи ярового зерна (овса), загромождающаго хлѣбные рынки въ извѣстные опредѣленные періоды, совпадающіе со сроками взноса податей, самая роль крестьянина, какъ частнаго землевладѣльца, оспаривающаго первенствующее по ипотека мѣсто и значеніе у дворянскаго и купческаго землевладѣнія, построенныхъ исключительно на денежномъ хозяйствѣ, совершенно не вяжется съ теоріей натурального хозяйства, какъ основы крестьянскаго благосостоянія. Для уплаты процентовъ по ссудамъ крестьянскаго банка крестьянину волей-неволей приходится считаться съ состояніемъ хлѣбнаго рынка, и въ этомъ случаѣ его стремленія не могутъ идти въ разрѣзъ со стороною, предлагающей продуктъ: для крестьянина безубыточные хлѣбныя цѣны такъ же необходимы, какъ и для помѣщика въ его крупномъ хозяйствѣ.

Итакъ, низкія хлѣбныя цѣны, не окупающія издержекъ производства, или доставляющія микроскопическій доходъ на затраченный въ землю капиталъ и совершенно не оплачивающія личнаго труда предпринимателя, вотъ первая и главная нужда землевладѣльца и земледѣльца.

Вторымъ факторомъ уровня экономическаго благосостоянія сельскаго земледѣльческаго населенія является достаточный урожай: не только при неурожаѣ, но даже и при недородѣ того или иного вида хлѣба неизбѣжна извѣстная грань, за которой никакія даже самыя высокія цѣны хозяйству не помогутъ. Не надо забывать, что и при обсужденіи *урожаевъ* хлѣбовъ остается еще открытымъ вопросъ объ *урожайности* ихъ, и если сельскій хозяинъ безсильнъ предотвратить бѣдствія чрезвычайной засухи, подобной

1891 г., когда въ теченіе всей весны и лѣта не выпало ни капли дождя, или, наоборотъ, изобилія влаги, какъ въ 1894 году, когда непрерывные дожди, породившіе буйные хлѣба, сами же и погноили ихъ въ полѣ, то онъ далеко не такъ безсиленъ, лишь только заходить рѣчь объ урожайности полей: всякій, кому приходилось наблюдать состояніе посѣвовъ, не только легко отличить помѣщиками поля отъ крестьянскихъ по внѣшнему виду хлѣбовъ, но замѣтить разницу даже между состояніемъ посѣвовъ на ближнихъ и на дальнихъ, запольныхъ нивахъ крестьянина. Замѣчено, что граница этихъ дальнихъ запольныхъ участковъ годъ отъ году все болѣе и болѣе придвигается къ поселку, все болѣе и болѣе сокращая площадь лучшей, унавоженной земли; можетъ быть, недалеко и то время, когда площадь эта сведется къ нулю и урожайность крестьянскихъ полей понизится до минимума. Периодически все чаще и чаще повторяющіеся неурожаи и недороды служатъ существеннымъ тому подтвержденіемъ.

Итакъ, мы возвращаемся къ исходному пункту: отсутствіе удобренія, какъ результатъ безлошадности населенія и неимѣнія достаточнаго количества скота, безлошадность, какъ результатъ бездоходности надѣловъ, а бездоходность, какъ результатъ убыточнаго сбыта зерна.

Существуетъ еще и третья нужда земледѣлія; нужда эта по преимуществу крестьянская — обременительность податей и повинностей. Изъ предыдущаго мы видѣли уже, какимъ гнетомъ лежитъ на крестьянскихъ надѣлахъ совокупность платежей: и государственныхъ, и земскихъ, и мірскихъ, и страховыхъ, и продовольственныхъ. Этотъ гнетъ парализуетъ всякую энергію, всякую инициативу домохозяина, этотъ гнетъ отрываетъ его и гонитъ въ дальніе края на поиски заработковъ и промысловъ; но и тамъ, на чужбинѣ, не оставляетъ его забота о покинутомъ надѣлѣ, по которому онъ обязанъ *«оправдать»* всѣ повинности, независимо отъ того, получилъ ли или не получилъ онъ какой-либо доходъ отъ этой безпощадной и безотвязной его собственности.

Правительство сознаетъ эту крестьянскую нужду и въ цѣломъ рядѣ различныхъ финансовыхъ мѣропріятій идетъ навстрѣчу этой потребности, по крайней мѣрѣ—въ области прямыхъ налоговъ: по законамъ 28 декабря 1881 года и 21 февраля 1884 года понижены выкупные платежи въ довольно крупныхъ размѣрахъ (для Рязанской губерніи, наприм., на 567½ тысячъ руб., см. «Отчетъ министерства финансовъ по выкупной операціи за 1899 годъ»). Вскорѣ отмѣнены и подушныя подати. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ по закону 7 февраля 1894 г. потребовалось произвести отсрочку недоимокъ выкупныхъ платежей, какъ результатъ неурожаевъ 1891—92 гг. Въ слѣдующемъ году государственный поземельный налогъ пониженъ наполовину, въ видѣ временной мѣры впредь на 10 лѣтъ. Еще годъ—и новая льгота (закономъ 13 мая 1896 г.): допущена пересрочка выкупныхъ платежей; правда, мѣра эта въ первые годы примѣнялась туго, и къ 1900 году въ Рязанской губерніи, наприм., пониженіе окладовъ по пересрочкѣ выразилось въ цифрѣ 68½ тысячъ рублей (тамъ же, стр. 71).

Въ 1900 г., благодаря новеллѣ 31 мая 1899 г., къ этой суммѣ прибавилось еще около 295 тысячъ рублей по губерніи; кромѣ того, сложено окладовъ выкупныхъ платежей на 29½ тысячъ рублей. Въ дальнѣйшемъ предвидится новое пониженіе, такъ какъ операція пересрочки все еще остается неоконченной. Вмѣстѣ съ реформой податного дѣла (законъ 23 іюня 1899 года) по Высочайшему повелѣнію приостановлено временно взысканіе съ крестьянскаго населенія недоимокъ выкупныхъ платежей, а затѣмъ и страховыхъ, земскихъ и продовольственныхъ платежей.

Словомъ, податныя облегченія слѣдуютъ непрерывно другъ за другомъ въ цѣломъ рядѣ реформъ; и все же обложеніе надѣловъ остается слишкомъ высокимъ, слишкомъ непосильнымъ. Пересрочка выкупного долга принесла *нѣкоторое* облегченіе податного бремени; но не надо забывать, что облегченіе это связано съ удлинненіемъ срока выкупной операціи, причемъ большинство комбинацій пересрочки въ окончательномъ итогѣ переплатъ невыгодно для населенія, воспользовавшагося этими комбинаціями. Думается намъ, что болѣе соотвѣтственно интересамъ населенія простое пониженіе выкупныхъ платежей по образцу 1881 года безъ всякой пересрочки основного долга; оно было бы и справедливѣе, ибо самыя условія пересрочки ставились въ зависимость отъ доходности надѣловъ; если правительство пришло къ убѣжденію въ несоотвѣтствіи доходности надѣловъ съ ихъ обложеніемъ, то, очевидно, справедливѣе было бы произвести облегченіе платежей за счетъ казны, а не за счетъ населенія, признаннаго обложеннымъ чрезмѣрно. Но мы идемъ и далѣе: не только пониженіе, но и окончательное сложеніе выкупныхъ платежей не принесло бы большого ущерба государственному бюджету, если только сопоставить эту скромную статью въ 86 милліоновъ рублей съ 2 милліардами общей суммы государственныхъ доходовъ (4,3%) и если вспомнить при этомъ, что выкупной платежъ составляетъ для крестьянъ черноземнаго района Рязанской губерніи большую половину всѣхъ его денежныхъ повинностей, считая въ томъ числѣ и страховые платежи.

Ссылаться на начало гипотечнаго кредита въ данномъ случаѣ врядъ ли умѣстно: во-первыхъ, гипотечный кредитъ, будучи обоснованъ на доброй волѣ сторонъ, обезпеченъ лишь имущественной, но не личной отвѣтственностью владѣльца даннаго имущества; конструкція выкупныхъ платежей не удовлетворяетъ этому условію; во-вторыхъ, гипотечный кредитъ по самому существу своему основанъ на началахъ періодическаго погашенія первоначальнаго капитала, затраченнаго государствомъ на денежную операцію; между тѣмъ, срочные государственные займы, произведенные для выкупной операціи, при конверсіяхъ, превращены въ непогашаемые; такимъ образомъ, самая идея погашенія остается невыполненной, и выкупные платежи, съ такимъ трудомъ добываемые крестьянами съ истощеннаго надѣла, затрачиваются государствомъ на общегосударственныя нужды и никакого погашенія основного долга въ дѣйствительности не происходитъ. Съ этой точки зрѣнія не безразлично ли для государственной казны при-

нять на себя непогашенный выкупной долгъ на 20—30 лѣтъ ранѣе и не выгоднѣе ли съ экономической и съ государственной точки зрѣнія не доводить населеніе до разоренія *)?

Второй мѣрой облегченія крестьянскихъ надѣльныхъ платежей по всей справедливости необходимо признать распредѣленіе мірскихъ, волостныхъ и сельскихъ сборовъ на всѣ сословія. По высотѣ обложенія и по обременительности мірскіе сборы занимаютъ первое мѣсто послѣ выкупныхъ платежей. По Рязанской губерніи, наприм., сборы эти составляютъ половину оклада выкупныхъ платежей, почти вдвое превосходятъ окладъ страховыхъ платежей и окладъ земскаго сбора.

О всесословности мірскихъ сборовъ въ связи съ всесословностью мірской организаціи такъ много говорилось и писалось и такъ много пишется, въ томъ числѣ и мною, что въ настоящее время возбуждать этотъ сложный вопросъ во всѣхъ его подробностяхъ врядъ ли уместно. Интересующихся имъ я отсылаю къ трудамъ и журналамъ губернскихъ земскихъ собраний, неоднократно и не далѣе, какъ въ прошломъ году обсуждавшимъ эту тему, а также и къ статьѣ моей «О всесословной волости», помѣщенной въ *Вѣстникъ Европы* за октябрь 1900 г. и къ изслѣдованію моему о надѣлахъ Рязанскаго уѣзда. Тамъ вопросъ этотъ является достаточно разработаннымъ и подкрѣпленнымъ цифровыми данными. Теперь же я лишь укажу на финансовую сторону вопроса: мірскіе сборы до крайности обременяютъ надѣльное землевладѣніе и являются однимъ изъ существеннѣйшихъ тормазовъ развитія крестьянскаго хозяйства.

Возраженія противниковъ всесословнаго мірскаго обложенія давно извѣстны: всѣ они опираются, главнымъ образомъ, на непосильность и обременительность этого новаго поземельнаго налога для владѣльцевъ оскудѣвшей поземельной собственности. На это давно готовы и отвѣты: во-первыхъ, никто не предлагаетъ переложить мірской налогъ всецѣло на землевладѣльцевъ некрестьянскаго сословія; рѣчь идетъ объ обложеніи *всесословномъ*, или, точнѣе выразиться, всеимущественномъ; слѣдовательно, сюда войдутъ не однѣ лишь земли, но и всякое вообще имущество въ предѣлахъ волости или селенія, и промышленныя, и торговыя заведенія, и усадьбы, и фабрики, и другіе объекты земскаго обложенія; во-вторыхъ, то соображеніе, что налогъ будетъ обременителенъ для частновладѣльческихъ имѣній, служитъ лишнимъ доказательствомъ необходимости этой мѣры по отношенію къ надѣльнымъ землямъ, ибо если налогъ этотъ и въ уменьшенномъ до половины размѣрѣ (благодаря переложенію на новыхъ плательщиковъ) будетъ труденъ, то какова же его обременительность для надѣловъ въ настоящемъ его интенсивномъ видѣ? Вѣдь и земскіе сборы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не легки для населенія; однако, никто не станетъ утверждать и доказывать необходимость перенесенія этого обложе-

*) См. *Ходскій*: „Внутреннее обозрѣніе „Нар. хоз. 1902 г.“, № 1, стр. 133.

нія на однѣ лишь надѣльные земли. А между тѣмъ, по существу какая же разница между земскими и мірскими сборами, какъ и вообще между налогами общегосударственного, общенароднаго значенія?

Иной вопросъ—высота и обременительность поземельнаго обложенія вообще, безъ всякой зависимости отъ подраздѣленія податныхъ сословій отъ неподатныхъ, обременительность, признанная и правительствомъ въ его заботахъ и попеченіи объ интересахъ земскихъ плательщиковъ, огражденных нынѣ закономъ 12 іюня о предѣльности земскаго обложенія. Мы знаемъ однако, что для надѣловъ земскій сборъ по губерніи составляетъ лишь одну десятую часть всего поземельнаго обложенія и если признана обременительность даже этой десятой доли, то что же сказать объ остальныхъ $\frac{9}{10}$ частяхъ?

Существуетъ, на нашъ взглядъ, болѣе справедливый путь облегченія поземельнаго обложенія вообще,—это перенесеніе части земскаго сбора на одинъ изъ привилегированныхъ нашихъ объектовъ обложенія—торговлю и промыслы, путемъ ли повышенія процентнаго отчисленія въ пользу земства съ цѣны патентовъ и промысловыхъ документовъ, путемъ ли участія земства въ раскладочномъ государственномъ промысловомъ налогѣ. Вотъ куда слѣдовало бы направить вниманіе земскимъ плательщикамъ.

Высота, обременительность налоговъ гонитъ крестьянина съ земли; пустѣютъ деревни, «промышленная армія вербуетъ все новыхъ и новыхъ рекрутовъ изъ сельскаго населенія лучшаго рабочаго возраста, а помѣщики-землевладѣльцы сѣтуютъ на недостатокъ рабочихъ рукъ, и взываютъ къ помощи правительства, безсильные устранить «рабочій кризисъ». Крестьянинъ самъ не оторвется отъ родной нивы и села, если нужда не сгонитъ его съ насиженнаго мѣста. Но разъ онъ потерялъ и лошадь, и надѣлъ, и скотъ, и избу, то что значитъ для него, безпечнаго пролетарія, договоръ о наймѣ на обработку помѣщичьихъ полей? Никакая уголовная репрессія здѣсь дѣлу не поможетъ и никакая паспортная система этого босяка не удержитъ.

Итакъ, не уголовная репрессія и ни какая-либо система препонъ, а поддержаніе надѣльнаго хозяйства и прежде всего пониженіе надѣльныхъ платежей до крайней мѣры—вотъ что должно составлять предметъ стремлений и ходатайствъ передового помѣстнаго сословія передъ правительствомъ. Этой элементарной истины не хотятъ признать поборники системы устрашенія «злонамѣренныхъ» рабочихъ.

Итакъ, безубыточные для хозяйства хлѣбныя цѣны, повышеніе урожайности полей и пониженіе надѣльныхъ податей и повинностей—вотъ трилогія деревенскихъ невзгодъ и стремлений.

Какъ достигнуть этихъ стремлений, мы увидимъ изъ послѣдующаго. Но предварительно мы должны сказать нѣсколько словъ объ одной побочной деревенской нуждѣ, такъ сказать, второстепеннаго характера, но причиняющей сельскому люду много горя и бѣдствій,—мы имѣемъ въ виду опустошительные деревенскіе пожары, ежегодно вырывающіе изъ скуднаго на-

родного бюджета и безвозвратно истребляющіе запасы и имущество на многіе милліоны рублей. По Рязанской губерніи за послѣднее пятилѣтіе 1895—1900 гг., какъ видно изъ Всеподданнѣйшихъ отчетовъ рязанскаго губернатора, пожарами истреблено деревенскаго имущества послѣдовательно на:

1,846	тыс. руб.	въ 1896 г.
2,889	»	» 1897 »
2,919	»	» 1898 »
1,555	»	» 1899 »
1,682	»	» 1900 »

Земское обязательное страхованіе, правила распланированія селеній, древонасажденіе, вольная пожарная дружина,—все это благія, но слабыя попытки вознаградить населеніе и оградить его отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. Единственной радикальной мѣрой борьбы съ этимъ колоссальнымъ стихійнымъ бѣдствіемъ являлась бы окончательная замѣна легковоспламеняющагося матеріала—соломы—железомъ. Но здѣсь мы вступаемъ въ зачарованную область таможенныхъ тарифовъ и интересовъ железнодоѣлательной промышленности.

Беремъ труды статистическаго отдѣла департамента таможенныхъ сборовъ «Обзоръ внѣшней торговли Россіи», за имѣющійся у насъ подъ руками 1899 годъ: «Вообще можно сказать, значится въ этихъ трудахъ на стр. 20-й, какъ вывозъ характеризуется хлѣбами и прочими продуктами земледѣлія, такъ—привозъ металлами и волокнистыми веществами въ сыромъ видѣ и въ издѣліяхъ всякаго рода (курсивъ нашъ). Въ 1899 г. металловъ не въ дѣлѣ и въ дѣлѣ ввезено на 191 милліон. руб., волокнистыхъ веществъ и издѣлій изъ нихъ на 130 милл. руб., что взятое вмѣстѣ составитъ почти половину (49%) цѣнности всего привоза». Изъ подробной группировки предметовъ привоза мы видимъ, что машинъ, вагоновъ, судовъ—ввезено болѣе чѣмъ на 100 милл. руб., каменнаго угля и кокса болѣе чѣмъ на 30 милл. руб. и проч. Правда, и мы въ свою очередь вывезли на 92 т. р. каменнаго угля, на 10½ милл. руб. бумажной ткани и на 2½ милл. р. металлическихъ издѣлій и съ избыткомъ покрыли этими статьями вывоза привозъ къ намъ овощей, фруктовъ и орѣховъ (на 12,76 милл. руб.). Тѣмъ не менѣе торговый балансъ нашъ лишь немного не достигъ равновѣсія: весь нашъ привозъ мы покрываемъ вывозомъ хлѣбныхъ продуктовъ (371 милл. руб.), животныхъ (93 милл. р.) и лѣснаго товара (56 милл. руб.), что въ общемъ составитъ болѣе 84 процентовъ всей цѣнности вывозныхъ предметовъ.

Изъ данныхъ, опубликованныхъ *Вѣстникомъ Финансовъ* (1902 годъ, № 1, стр. 10), мы видимъ, что за послѣдующіе 1900 и 1901 гг. балансъ складывается въ нашу пользу и если за 1899 г. отмѣчался минусъ въ нашемъ балансѣ, то за 9 мѣсяцевъ 1900 г. отмѣчается уже плюсъ 46½ милл. руб., а за тотъ же срокъ 1901 г. плюсъ 129 милл. руб.,

причемъ вывозъ издѣлій поднялся съ 11 $\frac{1}{2}$ милл. руб. 1899 г. до 16 $\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей въ 1901 г., а жизненныхъ припасовъ съ 217 милл. р. до 309 милл. руб., возросъ почти на 43 проц., что въ связи съ недородомъ 1901 г. представляется явленіемъ въ высшей степени знаменательнымъ. Правда явленіе это отмѣчалось и за прежніе годы: въ неурожайный 1897 г. вывозъ нашей ржи и ржаной муки и овса простирался свыше 70 милл. руб. и за 1898 г. до 68 милл. руб. противъ 84 милл. руб. среднихъ за пятилѣтіе (1894—1899 г.). Въ голодный 1891 г. вывозъ тѣхъ же продуктовъ простирался до 94 милл. руб. противъ 77 милл. руб. среднихъ за пятилѣтіе (1889—1893 гг.). Въ 1892 г. вывозъ этихъ продуктовъ упалъ до 30 $\frac{1}{2}$ милл. руб. *). Конечно, въ голодный 1891 г. за границу вывозились запасы прежнихъ лѣтъ. Но все же это явленіе нельзя не признать знаменательнымъ для того времени, когда цѣна ржи внутри Имперіи стояла выше 1 руб. за пудъ и когда простонародье голодающихъ мѣстностей пухло и болѣло отъ голода, кормясь желудями, лебедой и другими суррогатами.

А вывозъ кормовыхъ продуктовъ, развѣ онъ не прогрессируетъ? Въ періодъ 1889—1899 гг. вывозъ отрубей съ 5 милл. руб. въ среднемъ за первое пятилѣтіе возросъ до 9 милл. руб. за второе; въ 1899 г. вывезено отрубей на 11 милл. руб. Вывозъ жмыховъ съ 8 милл. руб. за первое пятилѣтіе возросъ до 12 милл. руб. за второе, въ 1899 г. вывезено на 16 милл. руб.

Въ Германію, которая теперь грозитъ закрыть свою границу для нашихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, нами вывезено на 3,76 милл. рублей лошадей и на 2,66 милл. руб.—свиней; всего вообще животныхъ на 12,65 милл. руб. Для выкормки отправленнаго туда скота нами вывезено и кормовыхъ средствъ болѣе чѣмъ на 13 милл. руб. (на 7,68 милл. руб. отрубей и на 5,41 милл. руб. жмыховъ); оно и понятно: нѣмецкій скотъ привыкъ къ питательному корму; нашимъ лошадямъ достаточно и соломы съ мякиной. Да отчего же и не взять нѣмцу дешевыхъ нашихъ продуктовъ? Вотъ бумажныхъ нашихъ тканей онъ не беретъ (въ 1898 г. въ Германію вывезено всего на 8 тыс. руб.); вообще ими не пренебрегаетъ лишь Китай (4 милл. руб.), да Персія (4,57 милл. руб.), отчасти Финляндія (1,29 милл. руб.); а европейскимъ странамъ онѣ не нужны; не нужны никому и наши метталлическія издѣлія; нѣтъ ни одного государства ни по Европейской, ни по Азіатской границѣ, которое взяло бы отъ насъ этого товара болѣе чѣмъ на полмилліона рублей (лишь одна Персія на 551 тыс. руб.). Правда, на сотню тысячъ рублей берутъ у насъ машинъ и «частей къ нимъ», и Германія, и Великобританія, и Соединенные Штаты; но что значать эти цифры въ сравненіи съ соотвѣтствующими цифрами привоза къ намъ того же товара изъ тѣхъ же государствъ? За тотъ же годъ привезено къ намъ машинъ и аппаратовъ изъ Германіи

*) Вывозъ ржи былъ воспрещенъ.

на 51½ милл. руб., изъ Великобританіи на 32 милл. руб., изъ Соединенныхъ Штатовъ на 3 милл. руб.

Итакъ, всѣмъ нашимъ фабрикатамъ суждено оставаться внутри страны, удовлетворять потребностямъ и спросу собственного населенія, т.-е. иными словами—опять-таки того же земледѣльца. Мануфактурныя издѣлія цѣликомъ зависятъ отъ внутренняго спроса простонароднаго потребителя; что касается каменно-угольной, желѣзо-дѣлательной и машино-строительной индустріи, то по удостовѣренію органа министерства финансовъ «потребности рынка сбыта при теперешнемъ его характерѣ слагаются почти исключительно изъ крупныхъ покупателей въ лицѣ заводовъ, работающихъ на нужды машино-строенія и желѣзныхъ дорогъ» (*Вѣстникъ Финансовъ*, 1902 г., № 1, стр. 11). Если бы не указанные исключительныя нужды, то чѣмъ и существовать этимъ отраслямъ промышленности съ ихъ стомилліонными годовыми оборотами? «За десятилѣтній періодъ времени съ 1892—1901 гг. на желѣзно-дорожное строительство затрачено 2½ милліарда рублей, слагающихся изъ 1 милліарда превышенія обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ надъ расходами за указанный періодъ и изъ 1,442 милліон. руб. увеличенія желѣзно-дорожныхъ долговъ» *). Эти-то милліарды и питали нашу молодую промышленность; сокращеніе правительственныхъ заказовъ немедленно отразилось кризисомъ нашей металлургіи. Въ другой степени промышленное оживленіе влечетъ за собой желѣзно-дорожную горячку: усиленіе товарнаго движенія и увеличеніе желѣзно-дорожной сѣти. Такое лихорадочное оживленіе даетъ обманчивую картину процвѣтанія промышленной индустріи; но при ближайшемъ разсмотрѣніи это отрадное явленіе представляется простымъ миражемъ, фатаморганой, ненормальнымъ процессомъ ненормальнаго роста и желѣзныхъ дорогъ, и металлургіи. Изъ очень любопытнаго очерка В. В., помѣщеннаго въ журналѣ *Народное Хозяйство* (1901 года, № 1), «Промышленное оживленіе и желѣзно-дорожныя перевозки», обоснованнаго цифрами официальныхъ данныхъ, мы видимъ, что за послѣдніе годы (1893—1897 г.) количество желѣзно-дорожныхъ грузовъ возросло на 34 проц. И что же? Изъ этой цифры на долю продуктовъ сельскаго хозяйства приходится не болѣе 5—6 проц. роста; все остальное оживленіе необходимо отнести на долю желѣзно-дорожныхъ грузовъ добывающей и разрабатывающей промышленности: «это огромное возрастаніе перевозокъ, свидѣтельствующее о быстромъ развитіи нашей промышленности, составляетъ главнымъ образомъ изъ приращенія перевозокъ ископаемаго топлива и матеріаловъ и принадлежностей строительнаго дѣла». Перевозка каменнаго угля увеличилась (съ 1893—1897 г.) на 58 проц.; перевозка строительныхъ матеріаловъ на 63 проц.; перевозка руды и металловъ на 96 проц.

«Замѣченное въ это время необыкновенное оживленіе перевозокъ,—говоритъ авторъ,—было слѣдствіемъ прежде всего развитія строительной дѣ-

*) *Русскія Вѣдомости*, 1902 г., № 51.

тельности. Строительная же дѣятельность получила широкое распространѣніе, благодаря, съ одной стороны, начавшемуся въ текущемъ десятилѣтіи по инициативѣ и на счетъ казны или подѣ ея гарантіей желѣзнодорожному строительству, съ другой—усиленію теченію сельскаго населенія въ города. Для сооруженія десятковъ тысячъ верстъ новыхъ рельсовыхъ путей, желѣзнодорожныхъ станцій, жилыхъ помѣщеній, для быстро растущаго городского населенія и т. п., потребовалась масса строительныхъ матеріаловъ и принадлежностей, частью добываемыхъ непосредственно изъ нѣдръ земли, частью приготовляемыхъ на заводахъ и фабрикахъ. Поэтому должно было оживиться устройство новыхъ фабрикъ и оборудованіе новыхъ и старыхъ заводовъ... Очерченное выше оживленіе строительно-промышленной дѣятельности и желѣзнодорожныхъ перевозокъ питалось пока само собою, поддерживаемое постройкой новыхъ желѣзнодорожныхъ линій и теченіемъ сельскаго населенія въ города».

Такъ, строилось новыхъ линій:

Въ 1890 году . . .	410 верстъ	въ 1895 году . . .	10,460 вер.
» 1891 » . . .	3,075 »	» 1896 » . . .	9,700 »
» 1892 » . . .	4,420 »	» 1897 » . . .	11,940 »
» 1893 » . . .	5,870 »	» 1898 » . . .	12,590 »
» 1894 » . . .	6,255 »		

Итакъ, промышленное оживленіе—какъ результатъ заказовъ желѣзныхъ дорогъ, и желѣзнодорожное оживленіе—какъ результатъ усиленныхъ перевозокъ строительныхъ матеріаловъ для тѣхъ же желѣзныхъ дорогъ. Такому исключительному оживленію долженъ наступить рано или поздно конецъ. И если металлургія существуетъ на счетъ желѣзныхъ дорогъ, то эти послѣднія въ свою очередь для своего существованія также должны черпать средства изъ какого-либо другого источника: не могутъ же онѣ питаться перевозкой собственныхъ желѣзнодорожныхъ грузовъ. Въ настоящее время эксплуатація желѣзныхъ дорогъ приноситъ государству убытокъ; за 1900 г., наприм., около 32 милліоновъ рублей, какъ то удостовѣряютъ отчеты государственнаго контроля *).

Убытокъ сравнительно съ 1892 годомъ уменьшился на 4 милліона руб.; но не надо забывать, что желѣзнодорожное строительство производится за счетъ новыхъ желѣзнодорожныхъ займовъ и что вмѣстѣ съ ростомъ доходовъ отъ желѣзныхъ дорогъ должны возрасть и расходы по займамъ.

Но изъ какого же источника въ концѣ-концовъ черпаютъ желѣзныя дороги свои средства? Отъ промышленной индустріи нечего ждать помощи; она сама дышитъ правительственными заказами. Даетъ земледѣліе, тотъ самый мужикъ, который вывозомъ своихъ земледѣльческихъ продуктовъ перевѣсилъ въ нашу пользу торговый балансъ, который оправдалъ надежды и расчеты винной монополіи, который оплатилъ расходы и нужды отече-

*) См. Ходскій *Нар. Хоз.* 1902 г., № 1, стр. 134.

ственной мануфактуры, — вотъ кто оплатилъ и дефициты желѣзнодорожнаго хозяйства. Тѣхъ, для кого доводы наши представляются мало-убѣдительными, мы приглашаемъ внимательнѣе просмотрѣть статьи нашего приходнаго государственнаго бюджета и затѣмъ сопоставить численность земледѣльческаго населенія съ населеніемъ городовъ и фабрикъ. Безспорно, металлургія наша непосредственно нисколько не дорожитъ сельскимъ потребителемъ, — что значать въ самомъ дѣлѣ какіе-нибудь 0,3 пудовъ потребления желѣза на душу крестьянскаго населенія Россіи, какъ оно вычислено вятскимъ земствомъ? При столь ничтожномъ непосредственномъ потребленіи немыслимо не только процвѣтаніе, но даже и прозябаніе желѣзодѣлательной промышленности. Все это безспорно. Но столь же безспорно и то, что сельскій житель привыкъ къ лишеніямъ альтруистическаго свойства: отказывая себѣ въ потребленіи желѣза, онъ тѣмъ не менѣе питаетъ своими средствами металлургическую промышленность, точно также какъ, не наѣдаясь досыта хлѣбомъ, онъ доставляетъ нашему экспорту блестящіе торговые балансы.

Вѣдь вычислено же Марессомъ, что большая половина сельскаго населенія (52,3%) обычно питается впроголодь, потребляя лишь по 12,2 пудовъ хлѣба на душу въ годъ (съ овсомъ), и лишь $\frac{1}{6}$ часть населенія покрываетъ полностью свои продовольственныя нужды, потребляя 25,5 пудовъ зерна на душу (въ томъ числѣ 7,5 пудовъ на скотъ). По изслѣдованіямъ херсонскаго земства (по Александрійскому уѣзду), потребительныя нормы хлѣба сельскимъ населеніемъ нѣсколько выше отъ 20 пудовъ, для бѣдныхъ хозяевъ до 28,8 пуд. для зажиточныхъ; въ среднемъ по 24,6 п. на душу, считая здѣсь и кормъ скота. Для дворовъ, засѣвающихъ 30 дес. и болѣе, норма потребления повышается до 32,9 пудовъ на душу.

Вспомнимъ же теперь все сказанное нами о постепенномъ обѣдненіи сельскаго населенія Рязанской губерніи; припомнимъ, какъ быстро увеличивается процентъ оскудѣвшихъ дворовъ и какъ рѣдѣетъ слой зажиточныхъ домохозяевъ; припомнимъ изумительно быструю ликвидацію помещичьихъ имѣній и переходъ владѣльческихъ земель въ руки крестьянъ, этихъ quasi-собственниковъ за счетъ ссудъ крестьянскаго банка; представимъ себѣ картину современнаго экономическаго сельскаго быта и спросимъ себя, что же выгоды для русской деревни: сохранить ли нашъ торговый балансъ, истощиться ли въ средствахъ на выполненіе неосуществимой мечты побить міровой рекордъ желѣзнодорожныхъ и всякихъ другихъ промышленныхъ успѣховъ, — или до-сыта накормить собственное населеніе, дать ему возможность обзавестись собственнымъ скотомъ, откармливать его у себя дома, повысить мѣстный спросъ и мѣстное потребление хлѣбнаго рынка, сохранивъ въ закромахъ крестьянина хоть какіе-нибудь запасы зерна и въ его карманахъ всѣ транспортные и накладные расходы по доставкѣ этого, оторваннаго у голодныхъ производителей, хлѣба на заморскіе рынки?

А. Еропкинь.

